Мой дом – чужая крепость

Автор:
Евгения Горская

Мой дом – чужая крепость

Евгения Горская

Татьяна Устинова рекомендует

Столкнувшись с малознакомой соседкой и перекинувшись с ней парой фраз, Тоня так и не узнала: своим присутствием эта женщина спасла ей жизнь. Они вместе вышли из лифта, продолжая разговаривать, и потом убийца уже не успел выстрелить – дверь Тониной квартиры захлопнулась… Чернота за окном навевала мысли о чем-то пугающем и нереальном, и от этого звонок тоже показался Тоне тревожным. Открыв дверь, она ахнула, увидев растрепанную, не похожую на себя подругу Лилю. Ее шантажируют, и Лиле срочно нужны большие деньги… У банкомата очереди не оказалось, только какая-то девушка снимала весьма значительную сумму. Когда она обернулась, Николай Корсун узнал свою бывшую одноклассницу Тоню. Он почти не вспоминал ее много лет, но сейчас понял, что никогда о ней не забывал. Корсун не подозревал, какие у нее проблемы, однако без раздумий был готов взять их решение на себя…

Евгения Горская

Мой дом – чужая крепость

© Горская Е., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Татьяна Устинова

Здесь у нас намного интереснее!

Вам нравятся книги Агаты Кристи?

Дурацкий вопрос! Да кто же из нас – читателей детективов – их не любит? Вот я, к примеру, больше всего обожаю истории про мисс Марпл. Она, без преувеличения, моя большая подруга. Я все про нее знаю: про дом с небольшим цветущим садиком в тихой деревушке Сент-Мэри-Мид где-то на юге Англии, про племянника Рэймонда – успешного писателя, живущего то во Франции, то в Штатах, – который очень щедр и содержит любимую тетушку с ее садом. Мисс Марпл расследует загадочные убийства и всякие прочие злодейства. А самое потрясающее, привлекательное и завораживающее, что разгадка тайны и мотив преступления почти всегда оказываются скрыты в истории семьи. И будь то чинный лоснящийся английский пэр или его холодная и немногословная жена, а может, их сын – развязный денди-коммунист, мечтающий о баснословном наследстве, карьере художника и горничной Анне, – у каждого (при должных поисках) найдется свой «скелет в шкафу». Читатель, то есть я, живет с ними, и гадает, и ошибается. А потом мне кажется: «Вот будто бы в Англию съездила!»

Ах, как мало таких книг!.. Как нам их не хватает! Оно и понятно: придумать и написать захватывающую историю именно о семейных «скелетах в шкафу» невероятно сложно. Тем более приятно, что у Евгении Горской это получилось просто великолепно!

Ее новый роман «Мой дом – чужая крепость» – настоящая и чрезвычайно запутанная история семьи, потрясающий и захватывающий детектив.

Опасная игра, начавшаяся много лет назад, грозит разрушить до основания жизнь Тони Невзоровой. Теперь ей придется очень быстро во всем разобраться, полагаясь только на собственную сообразительность, решимость и врожденное чутье. Можно ли кому-нибудь доверять? Как узнать, кто подставит плечо, а кто в последний момент предаст? И как принимать верные решения, от которых подчас зависит жизнь, когда весь твой мир оказывается на грани гибели, а

события – громадные, ужасные, неотвратимые – надвигаются с ошеломляющей, невероятной скоростью?

«Мой дом – чужая крепость» – великолепно и очень сложно придуманная загадка. Несколько параллельных детективных линий, то расходясь, то снова переплетаясь, образуют превосходно-витиеватый рисунок сюжета, который целиком строится вокруг прошлого и настоящего семьи Тони Невзоровой.

А еще мне хотелось бы поблагодарить Евгению Горскую за ее героев. Большая редкость, чтобы в книге мне нравились абсолютно все – вот так чтобы без исключения! В романе нет ни финансовых воротил, ни маньяков, ни профессиональных или продажных чиновников. Зато все больше профессора, научные сотрудники, инженеры, авиаконструкторы, врачи, рабочие – и каждый с историей и, конечно же, со «скелетом в шкафу». Возможно, именно поэтому мне так нравятся детективы Евгении Горской.

Вот так читаешь и думаешь: «Далась мне эта Англия! Здесь у нас намного интереснее!»

Пятница, 14 декабря

Смотреть за окно было противно. На сером фоне унылого декабрьского неба медленно проплыла ворона, лениво шевеля крыльями.

Подъехала машина, такая же, как у Димы, остановилась почти у подъезда. Тоня уперлась лбом в стекло, но номер с высоты шестого этажа разглядеть ей не удалось. Впрочем, номер можно не разглядывать, Дима давно в своем кабинете и едва ли думает о ней, Тоне.

Из подъезда вышла соседка Лиля, за ней выкатился Тимошка, взял мать за руку. Машина, так похожая на Димину, медленно тронулась, исчезла за углом дома.

Соседке Тоня завидовала. У Лили был заботливый муж Иван, веселый сын-первоклассник, а сама она всегда выглядела ухоженной и модной, как модель из каталогов интернет-магазинов, в которых Тоня покупала одежду.

У Лили было все то, чего так не хватало ей.

Тоня еще полюбовалась на унылую мглу за окном, с тоской подумала о скользком асфальте, по которому придется брести до метро, и, вздохнув, поплелась одеваться.

Все, напомнила себе она, сегодня подаю заявление об уходе и начинаю новую жизнь.

Она молодая, красивая, успешная женщина и достойна всего самого лучшего. Правда, красивой она делается, только если хорошо накрасится, но это неважно. Важно верить в свою мечту.

Рабочий день пролетел незаметно, а день астрономический угасал, так толком и не начавшись. Все Тонины знакомые дружно ругали неудачный перевод времени, превративший и без того тоскливую зимнюю жизнь в почти настоящую полярную ночь. Тоня тоже ругала, хотя ей, в общем-то, было безразлично, по полной темноте идти на работу или все-таки дождаться хмурого рассвета. В институте давно установлены электронные турникеты, рабочий день каждый устанавливал себе сам, и основная масса сотрудников подтягивалась часам к одиннадцати.

Нужно подать заявление об уходе, иначе она изведется в выходные, ругая себя за нерешительность и глупую надежду, что все изменится само собой. Тоня решительно потянулась к телефону.

– Дима, подпиши мне заявление, пожалуйста, – попросила она, услышав бывшего однокурсника, а теперь собственного начальника.

– Заходи. – Она живо представила, как задерганный, вечно ничего не успевающий Димка растерянно вертит в руках телефонную трубку, словно не понимая, откуда она взялась.

Рука сама потянулась к выдвижному ящику стола, к пузырьку восхитительной и новомодной туалетной воды от Кензо. Тоня поглазела на пузырек и ногой задвинула ящик на место. Она совершенно не нужна Димке, и тут не поможет никакой аромат. Она никому не нужна.

– В отпуск собралась? – Тоня оказалась права, он вертел в руках телефонную трубку, с тоской глядя на заваленный бумагами стол.

– Нет. – Она взяла у него трубку, положила на место. – Я ухожу. Я хочу уволиться с нового года.

У него здорово поредели волосы, странно, что она только сейчас это заметила.

– Что? – он мгновенно изменился. Усталый рассеянный взгляд стал пытливым и немножко виноватым, а сам Димка напомнил того давнего, когда ей казалось, что она ему нужна. – Тонечка, пойми… Я не мог тебя назначить. Пенкина назначил Ильич, и я ничего не мог сделать.

– Я знаю, Дима. Дело совсем не в этом. – Тоня подвинула стул, села напротив.

Когда Димку сделали начальником департамента, она должна была занять его прежнее место заведующего отделом. Все так считали, и Тоня тоже, это было бы справедливо, и она ждала повышения. Конечно, она очень расстроилась, когда директор, которого за глаза все звали Ильичом, назначил на ее предполагаемую должность неизвестно откуда взявшегося Пенкина, дурака и хама. Впрочем, тогда Тоня еще не знала, что он дурак и хам, это она выяснила позднее, правда, довольно быстро. Конечно, она понимала, что Дима ничего не мог сделать в этой ситуации.

– Дело не в этом.

– А в чем?

– Я устала, Дима.

– Подожди… Ты что, совсем хочешь бросить работать?

– Нет, конечно, – удивилась Тоня. – Просто собираюсь… сменить обстановку, что ли.

Она уходит, потому что не может больше с ним работать. Не может в пятницу вечером начинать ждать понедельника, потому что, кроме Димы, у нее в жизни

ничего нет. Ей вот-вот будет тридцать, и она не хочет больше тратить на него свою жизнь.

Впрочем, он не догадывался, что она тратит на него свою жизнь.

– Тоня, не уходи. Я тут без тебя совсем с ума съеду.

Она промолчала. Ей совсем не хотелось уходить с работы, к которой она привыкла, и от коллектива, к которому привыкла, и даже от Димы, к которому тем более привыкла. Только она больше не могла продолжать эту свою никому не нужную жизнь.

– Куда ты идешь?

Тоня произнесла почти непроизносимое название.

– Слышал про такую контору?

Он кивнул – слышал, конечно. Не так много фирм по их профилю.

– В деньгах выигрываешь?

– Немного.

– А должность?

– Начальника отдела. Подпиши заявление, я должна успеть отнести его в отдел кадров.

– Может, передумаешь еще? – Он криво расписался на листе бумаги.

– Не передумаю. Да, Дима, чуть не забыла – у меня отгулы от отпуска остались, я буду их брать по мере надобности, хорошо? Я свою часть по всем договорам выполнила.

– Ты… больше совсем не придешь?

– Приду. Обязательно. Вещи нужно забрать. Попрощаться со всеми.

Тоня тихо прикрыла дверь его захламленного кабинета.

Нужно дождаться Нового года. И тогда она наконец найдет себе надежного мужчину и будет счастлива с ним всю оставшуюся жизнь. Она будет свято в это верить, и ее желание исполнится.

Колосов собирался успеть сегодня многое, а не сделал ничего. Когда Тоня ушла, он поперелистывал страницы срочных документов на экране компьютера, пока не понял, что буквы не складываются в слова, а слова в фразы. Он попытался читать заново, но не смог, так и сидел, тупо уставившись в комп.

Почему-то он был уверен, что Тоня всегда будет рядом. Собственно, он никогда об этом не задумывался, просто она давно стала частью его жизни, такой же неотъемлемой, как Ася и мать.

На самом деле Тоня ему ближе и Аси и матери, наверное, потому, что намного умнее его жены, и видел ее он гораздо чаще, чем мать. Странно, что раньше он этого не понимал. Впрочем, раньше он об этом никогда не думал.

Колосов нагнулся, выключил компьютер, посмотрел в окно, за которым стояла глубокая ночь. Он не представлял, как будет жить без Тони. Что он станет делать, если после очередной Аськиной выходки не заглянет в спокойные Тонины глаза?

Жена обижалась невесть на что подолгу, плакала, с ним не разговаривала, а он, как правило, не мог понять, чем так ее расстроил, терялся и чувствовал себя абсолютно убитым. С Тоней он никогда о своих проблемах не разговаривал, но она, как ему казалось, все понимала, его убитый вид замечала, легко шутила, и он постепенно обретал равновесие.

Заперев кабинет и сбежав по лестнице вниз, Колосов попрощался с охранниками, вышел на грязный, посыпанный какой-то дрянью асфальт и двинулся в сторону метро. Ехать до института было всего одну остановку, он почти никогда не приезжал на машине, только когда планировал после работы ехать на дачу. Машина месяцами стояла у подъезда без дела. Иногда Ася на ней

ездила, но на метро всегда получалось быстрее и надежнее, тем более что жили они почти в центре. Колосов пытался думать о машине, а думал о Тоне. О том, как будет без нее жить.

Жить без Тони не хотелось совсем.

Лезть в подземку Колосов не стал, прошел мимо по направлению к дому, потом передумал, повернулся и направился в ресторан, расположенный рядом со станцией метро. К счастью, в ресторане было совсем тихо, и никто не мешал ему думать. Колосов устроился у окна, смотрел на сверкающую огнями шумную улицу, пил принесенную официантом водку, ковырял мясо и совсем не знал, что теперь делать.

Домой он пошел пешком. Было холодно, на улицах почти не оказалось прохожих. Стоял непривычно морозный декабрь, холодом и постоянной темнотищей создающий иллюзию надвигающейся вселенской катастрофы.

Ему повезло, Аси дома не оказалось, не пришлось с ней о чем-то говорить, что-то объяснять, уговаривать и оправдываться. Он зажег в прихожей свет, снял пуховик, повесил на плечики пиджак и улегся на диван, понимая, что мнет брюки. Вообще диван был Асиным «местом», здесь она читала, делала эскизы, жевала яблоки, складывая огрызки в стоявшее на полу блюдечко. Когда-то Колосов любил усесться ей в ноги, обнимал худенькие колени и считал себя счастливейшим человеком.

Впрочем, он и был тогда счастливейшим человеком, он каждый день видел Тоню и ни минуты не сомневался в незыблемости собственного мира. Правда, чувство незыблемости ему давала бывшая сокурсница, а вовсе не жена, но он тогда над этим не задумывался.

Он вообще не отдавал себе отчета до сегодняшнего вечера, что для него значит Тоня.

Кажется, он задремал, потому что звонкий Асин голос раздался неожиданно и застал его врасплох.

– Мить, ты давно пришел?

– Не очень.

Митей, кроме жены, его не звал никто. Этот «Митя» очень не нравился матери, Колосов подозревал, что именно поэтому жена так его и зовет. Свекровь и невестка друг друга, мягко говоря, недолюбливали.

– Ой, как я есть хочу! – Ася включила в комнате свет, замерла у двери. – Что у нас на ужин?

– Не знаю. Посмотри в холодильнике. – Свет падал ему в глаза, Дима отвернулся к стене, прикрыв глаза рукой.

– А ты что, ничего не ел?

– Нет.

– Почему?

– Не хочу.

– Мить, ты не заболел? – Жена подошла, села на краешек дивана, чуть Диму подвинув.

– Нет.

– А почему ужин не приготовил? – В ее голосе послышались звенящие нотки, предвещающие близкие слезы и несколько изматывающих дней молчаливой ненависти.

– Потому что есть не хотел. – Правильно было бы сказать, что ужин должна готовить жена, а не наоборот, тем более если она не работает с утра до ночи, как он, но вымолвить такое Колосов никак не мог. После этого останется только сбежать из дома.

– Вот как? – Ася поднялась с дивана и заметалась по комнате, напоминая сердитую рысь в зоопарке. – Здорово! Я, значит, работаю, а ты на боку лежишь! Я вкалываю до позднего вечера, а ты… ты… Тебе на меня наплевать!

И опять он мог бы сказать, что трудится она только в свое удовольствие, для развлечения и осознания собственной значимости, а это все-таки скорее хобби, чем работа. И семью содержит он, и она наверняка могла никуда сегодня вечером не ездить, а ждать его с разогретым ужином, например. И опять он ничего не сказал из чувства самосохранения.

– Ася, – попросил Дмитрий. – Пожалуйста, не приставай ко мне сегодня. Я очень устал, и у меня болит голова.

– Да-а? – противно взвизгнула жена, и он поморщился. – У тебя болит голова? А отчего она у тебя болит? Перетрудился, да? Только не рассказывай, что ты на работе надрываешься! Не смеши меня!

– Ася, – он сам удивился собственной смелости, – если ты сейчас же не замолчишь, я уйду.

– Да-а? И куда ты пойдешь?

– Я считаю до пяти, отсчет пошел.

Как ни странно, она замолчала. Через минуту из кухни послышался хлопок дверцы холодильника, звон посуды.

До сегодняшнего дня он никогда с Асей так не разговаривал. А зря, наверное. Давно нужно было проявить твердость, и не закатывала бы она тогда истерик по поводу и без повода.

Он не сразу понял, что не рад наступившей тишине. Ему больше всего на свете хотелось уйти куда глаза глядят.

По дороге с работы Тоня зашла в супермаркет и домой притащила увесистую сумку продуктов. Это ее часто удивляло – живет одна, ест совсем немного, а сумки таскает тяжелые, правда, по магазинам она ходит нечасто. Очень хотелось есть, за весь день она не нашла времени сходить в столовую, не потому, что была до крайности загружена работой, просто есть совсем не хотелось. Была у нее такая особенность – начисто пропадал аппетит, если приходилось понервничать. Сегодня она весь день не могла решиться подать

заявление об уходе, какая уж тут еда.

Столкнувшись с малознакомой соседкой у лифта и перекинувшись с ней парой фраз, Тоня так и не узнала, что своим присутствием та спасла ей жизнь. Соседка жила двумя этажами выше. Тоня вышла из лифта, ее спутница продолжала говорить, Тоня отвечала, а когда закрылись створки, убийца не успел выстрелить – Тонина дверь уже захлопнулась.

Убийце было страшно и хотелось, чтобы все поскорее закончилось. Конечно, он еще может позвонить в дверь и выстрелить, когда она откроет, но тогда следствие обязательно заинтересуется родными, друзьями, соседями, а этого допустить нельзя. Убийство должно быть похоже на ограбление, и совершить его лучше всего в подъезде.

Убирая продукты в холодильник, Тоня оставила контейнер с готовым салатом. Отрезала свежего, только из пекарни хлеба и принялась ковырять вилкой салат. Минуту назад ей казалось, что она готова запихнуть в себя весь контейнер, а хватило двух вилок. Протянула руку, включила чайник. Посидела, положив подбородок на переплетенные ладони. Заставила себя встать, переложила несъеденный салат с тарелки опять в контейнер, убрала его в холодильник.

Скоро все будет по-другому. Скоро Дима Колосов перестанет быть для нее клином, на котором белый свет как сошелся, так никак и не разойдется. По пятничным вечерам она будет радоваться предстоящим выходным, а не считать часы до утра понедельника. Она перестанет изнывать от одиночества, начнет нормально питаться и не будет тощей как палка. Как сейчас.

Чернота за окном навевала мысли о чем-то таинственном, пугающем и нереальном, наверное, от этого дверной звонок тоже показался ей тревожным. Тоня, нашарив ногами тапочки, поплелась к двери и ахнула, увидев совсем на себя непохожую, растрепанную, с бегающими глазами Лилю.

– Лиля! Господи, что с тобой? – по-настоящему испугалась Тоня.

– Тонечка, одолжи мне денег, пожалуйста, – проскулила соседка, шагнув в прихожую.

Глаза у Лили были красные и какие-то ненормальные, щеки тоже красные, а губы почти бескровные, язык слегка заплетался. Тоня решила бы, что она в стельку пьяная, если бы от Лили совсем не пахло спиртным.

– Ну… конечно. Сколько тебе нужно?

– Много, – Лиля привалилась к дверному косяку и наконец посмотрела на Тоню в упор. – Сто восемьдесят тысяч.

– Лиля, что случилось?

Соседка мелко затрясла головой, как полоумная старушка.

– Знаешь что… – С Лилей явно что-то было не так, и Тоня сразу почувствовала себя сильной и рассудительной, словно взрослая нянечка при маленькой девочке. Ей не привыкать быть сильной и рассудительной, она много лет такая, и Димка решает с ней все свои проблемы. – Идем-ка на кухню. Идем, ты мне все расскажешь, и мы решим, что делать.

Тоня потянула Лилю на кухню, подвинула ей стул, заварила чай.

– Где Иван?

– Уехал. Помнишь, у него тетя умерла на Урале, мы еще летом хоронить ее ездили? – Кажется, подруга потихоньку приходила в себя. Во всяком случае, взгляд у нее стал вполне осмысленным.

– Помню, – Тоня разлила чай в чашки, достала сахарницу, конфеты.

– Он должен вступить в права наследства. Еще попытается теткин дом продать. Это дело небыстрое, сама понимаешь. Тонечка, мне очень нужны деньги. Очень.

– Лилечка, что случилось?

– Мне очень нужны деньги. – Повторив фразу, Лиля потрясла головой, обняла чашку руками и уставилась на Тоню испуганными глазами. – Меня шантажируют.

– Что?! Господи, чем можно тебя шантажировать?!

– Не спрашивай. Правду не скажу, а врать сил нет. Тонечка, мне очень нужны деньги. Дай, пожалуйста. Я тебе расписку напишу.

– Лиля, шантажистам нельзя платить.

– Знаю. Но мне нужно заплатить. Дашь денег?

– Это связано с твоей работой?

Лиля занималась юридическим сопровождением договоров, имела дело с небольшими фирмами, сидела дома и только изредка встречалась с клиентами. Мечта любой трудящейся женщины.

– Нет. Неважно. Помоги мне, Тоня.

– Лиля, я никуда тебя не пущу. Ивана нет, ты собираешься платить какому-то шантажисту… А если с тобой что-то случится?

Соседка оторвала ладони от чашки, сцепила их, посмотрела в темное окно.

– Я должна заплатить. Обязательно.

– Лилечка, начав платить шантажисту, ты сделаешь только хуже. Тебе потом всю жизнь придется платить и бегать с безумными глазами.

– Там видно будет. Иван приедет, мы что-нибудь решим. Мне надо заплатить сейчас.

– У меня нет ста восьмидесяти тысяч, есть только сто тридцать на карточке, – сдалась Тоня. – Ты можешь у кого-то остальные одолжить?

– Нет, – Лиля обреченно покачала головой. – Попросить не у кого, у меня своих только триста двадцать. А нужно пятьсот. Срочно. Прямо сейчас. Пожалуйста.

Попросить Тоня могла только у родителей. Она позвонила, трубку взял папа, к счастью, не задал ни одного вопроса – с мамой такой номер не прошел бы. Проводив Лилю, Тоня отправилась добывать деньги, понимая, что делать нужно совсем другое – идти в полицию. Или в крайнем случае звонить Ивану.

Банкомат в углу торгового зала супермаркета Корсун заметил случайно. Наличные необходимо сейчас снять. Перед Новым годом деньги в банкоматах удивительным образом исчезали, а ему не хотелось сидеть на праздники без копейки, как в прошлом году. Тогда он заранее не побеспокоился, и его девушка ужасно оскорбилась, когда выяснилось, что у него не хватает денег ей на подарок. Подарок был немудрящий, какая-то золотая висюлька, но в бутике что-то не ладилось с приемом денег по карточкам, а наличных у него оказалось мало. Девушка расстроилась, плакала, Корсун очень ее жалел, уговаривал и каялся, а потом, когда она, не перенеся обиды, все-таки от него ушла перед самым Новым годом, вздохнул с облегчением. Любимая к тому времени порядком его утомила.

У банкомата очереди не было, только какая-то девица в светлой шубке, высокая и тонкая, снимала деньги. Сумма была значительная, Корсун видел, как она быстро перелистала пачку, прежде чем сунуть ее в сумку.

Он стоял терпеливо, впереди его ждал скучный вечер, какая разница, где его проводить.

Девица повернулась, и прежде чем он окончательно узнал ее, произнес:

– Тоня?!

Она почему-то с испугом на него посмотрела и тут же тоже узнала, растерянно улыбнулась:

– Коля?

Он почти не вспоминал ее много лет, но сейчас ему показалось, что он никогда о ней не забывал.

– Как живешь, Коля? Из наших кого-нибудь видишь?

Ей нужно ехать за остальной частью денег к родителям и совершенно некогда разговаривать с бывшим одноклассником.

– Никого не вижу, – признался Корсун. И никого не хочу видеть кроме тебя, хотелось ему добавить.

– А… Я тоже мало кого вижу, – переступила ногами Тоня. – С девочками иногда перезваниваюсь.

– Ты куда-то торопишься? – догадался он. – Давай я тебя провожу.

– Спасибо, мне далеко.

– Ну так тем более провожу. У меня машина на парковке.

Она поразмышляла, словно прикидывая, и неожиданно согласилась.

– Спасибо. – Она назвала адрес и посмотрела вопросительно. – Отвезешь?

– Конечно.

Когда-то он готов был ехать за ней на край света. Впрочем, тогда у него не имелось машины. У него тогда десятки лишней не было.

– Где работаешь, Коля? – Машина у него оказалась дорогая, солидная. Впрочем, Тоня плохо разбиралась в автомобилях.

– На приборостроительном заводе. Завод небольшой, сейчас нас под «Роскосмос» перевели.

– А кем?

Чем можно шантажировать Лилю? Если кто и казался Тоне абсолютно уверенным в жизни человеком, так это соседка.

– Главным инженером.

– Ого, – удивилась Тоня. – Поздравляю. А я вот работу собралась менять. С нового года пойду в другую фирму.

– В деньгах выигрываешь?

– Не особенно, дело не в этом. Хотя и в этом тоже. И должность будет повыше.

Дело в том, что она начнет новую жизнь. Без Димы, без его несчастных глаз, означающих ссору с Асей, без тоскливых выходных, когда совершенно некуда девать время.

– Здесь направо, – попросила Тоня. – Останови, пожалуйста, я приехала.

Она неуклюже выбралась из машины, рассеянно ему кивнула, потыкала в кнопки домофона ближайшего подъезда и скрылась за темной дверью.

Нужно было спросить у нее телефон, запоздало подумал Корсун.

Когда-то она казалась ему недоступной, словно жительница другой планеты. Все девчонки были просто девчонками, а Антонина Невзорова – инопланетянкой.

Он с восьмого класса на уроках садился наискосок от нее, чуть сзади, чтобы все время ее видеть и чтобы она этого не замечала. К десятому классу все разбились на пары, у Тони пары не оказалось, а он так и не решился к ней подойти. Наверное, потому, что она была инопланетянкой.

А потом он ее забыл. Или все-таки не забыл?

Нужно уезжать, но почему-то не хочется.

Корсун тронул машину, и в этот момент Тоня опять показалась на улице. Она направилась куда-то вместе с немолодым мужиком и о чем-то оживленно разговаривала с ним, и Корсун, как дурак, развернувшись, медленно поехал за ними.

Парочка остановилась у банка, и ему было видно в окно, как мужчина снял деньги во внутреннем банкомате и отдал их Тоне. Потом они еще о чем-то поговорили, стоя на крыльце банка, а после мужчина поднял руку, голосуя, и Корсун подал машину вперед, под самую руку Тониного спутника.

Она совсем не удивилась или сделала вид, что не удивилась, опустившись на сиденье рядом с ним.

– Пока, пап. Спасибо. Я постараюсь быстро вернуть.

– Не к спеху. – Ее отец помахал рукой вслед машине.

– Ты бы не ходила с такими суммами, – раздраженно буркнул Корсун. – Приключений ищешь?

– Да я обычно и не хожу, – легко согласилась она. – Обстоятельства так сложились.

– Ну раз обстоятельства, я тебя до квартиры провожу, – решил Корсун, и ему почему-то сделалось весело от этой мысли.

Однако у подъезда она решительно с ним распрощалась. Скорее всего, дома ее ждет муж или «друг», и услуги Корсуна в качестве провожатого на фиг ей не нужны.

Почему-то он все-таки не уехал сразу, наверное, потому, что ему не нравилось, когда молодые женщины ходят по вечерам одни. Тем более если у женщины увесистая пачка наличных.

– Одну я тебя не пущу, – отрезала Тоня, едва соседка открыла дверь. – Не пущу! Это не обсуждается. Поедем вместе.

– Нет, – затрясла головой Лиля, судорожно пересчитывая деньги. – Он велел, чтобы я была одна.

– Кто он?

– Не знаю.

– Лиля, платить нельзя.

– Нельзя, но я заплачу.

В глубине квартиры зазвонил телефон, Лиля испуганно сжалась, сразу к нему метнулась. Откуда-то выскочил Тимоша, весело закричал:

– Тонь, привет. Мне мама новую игру купила, про монстров. Я три уровня прошел!

– Здорово, – похвалила Тоня. – А уроки ты выучил?

– Так выходные же впереди.

– Тима, иди доигрывай, поздно уже. Я уеду ненадолго. – Появилась Лиля, изо всех сил стараясь казаться спокойной, но получалось это плохо.

Мальчишка убежал, женщины посмотрели ему вслед.

– Посидишь с Тимошкой? – шепотом спросила Лиля. – Я поеду, этот тип будет ждать меня через двадцать минут.

– Где?

– На перекрестке за метро. – Лиля торопливо одевалась, суетилась, Тоня смотрела на нее с жалостью.

– Я поеду с тобой. Тимошка уже большой, побудет немного один, ничего с ним не сделается. Высадишь меня где-нибудь невдалеке. Никто ничего не узнает, а я все-таки буду рядом.

Лиля вздохнула. Понимала, что это правильно.

– Тимочка, мы ушли! – крикнула она сыну и ненадолго замерла у двери.

Лиля все время словно забывала, как делаются самые простые вещи. Тоня взяла у нее ключи, заперла дверь, вызвала лифт.

– Кто тебя шантажирует?

– Не знаю.

– Что?! – ахнула Тоня. – Не знаешь, кому даешь деньги?

Соседка промолчала. В машине она опять замерла с ключами зажигания в руках, и Тоня невежливо толкнула ее в бок.

– Лиля, соберись! Поехали!

Машину Лиля повела небыстро, осторожно, словно на свежем воздухе паника отступила и хотя бы частично вернулся здравый смысл.

– Ты хочешь узнать, кто шантажист? Имя, адрес… – Тоня никак не могла взять в толк, как можно платить такие огромные деньги неизвестно кому.

– Хочу, – кивнула Лиля. – Только не знаю как.

– Нанять частного детектива, – предположила Тоня.

– Нет! Я не желаю, чтобы кто-то еще знал… Нет! – Лиля дернулась, опомнилась, стала опять смотреть на дорогу.

– Он звонит на городской? У тебя ведь на городском определитель? – спросила Тоня.

Лиля кивнула, не глядя на нее.

– Звонок был с мобильного?

– Да. Он звонит с одного номера.

– Останови, – велела Тоня, вылезая из машины перед поворотом к месту встречи. – Отдашь деньги, сразу уезжай.

Лиля опять обреченно кивнула, тронула свою «Ауди» и медленно обогнала идущую Тоню, как будто не только у Лили, но и у автомобиля полностью иссякли силы.

Корсун не успел отъехать, как позвонил дежурный инженер с завода, пришлось долго и нудно давать указания, объяснять и уговаривать. Корсун так разозлился на бестолкового молодого специалиста, на темень, холод и собственную судьбу, что только в последний момент заметил, как Тоня вместе с какой-то девицей выскочили из подъезда и погрузились в дорогущую «Ауди». Он выехал за ними из двора, повернул к собственному дому и почти забыл о бывшей однокласснице. Покупать продукты было лень, он стал прикидывать, какие запасы продовольствия должны у него оставаться, и чуть не въехал в прямо перед ним остановившуюся «Ауди».

Какое-то время он смотрел вслед однокласснице Невзоровой, вылезшей из машины и шагавшей к перекрестку впереди, а потом зачем-то тоже выбрался наружу. Тоня исчезла за поворотом и, когда он снова ее увидел, медленно приближалась к своей недавней попутчице. Та стояла рядом с мужиком в темной куртке с пушистым капюшоном. Невзорова покопалась в сумке, сунула телефон к уху, отошла к стене расположенного рядом торгового центра и топталась, не выпуская из виду парочку.

Корсун прибавил шагу и почти не удивился, наблюдая, как недавняя Тонина попутчица передает мужику сверток, очень похожий на пачку денег. Мужик что-то сказал женщине, потрепал ее по плечу и шустренько двинулся мимо здания торгового центра. Дальнейшему Николай почти не удивился: Невзорова бросила телефон в сумку и, чуть поотстав, зашагала за мужиком.

По причине мороза и позднего времени прохожих почти не было. Через несколько минут мужик в куртке с капюшоном свернул на дорожку между домами, потом еще на одну дорожку между сугробами и нырнул в какой-то подъезд, а бывшая одноклассница растерянно остановилась.

– Тоня, – позвал Корсун.

Она дернулась, повернулась к нему, почти упершись ему в грудь, и только теперь он увидел то, чего не заметил раньше – она очень напугана.

– Ты… что здесь делаешь? – спросила Тоня.

– Тебя провожаю, – вздохнул он. – Мы играем в шпионов?

Она молчала, уставившись в снег под ногами, топталась, как нерадивая студентка перед экзаменатором, ему стало смешно и очень ее жалко.

– Пойдем, – тронул он Тоню за рукав шубы. – Пойдем. По законам жанра нам нужно продолжать идти в ту сторону, куда ты шла. Если твой… объект за тобой наблюдает, он не должен ничего заподозрить.

Она послушно пошла по дорожке вдоль длинного дома и остановилась, чуть свернув за угол.

– Кого ты выслеживаешь? – спросил он.

– Коля, спасибо тебе, ты… иди. Ты мне мешаешь. Извини.

– Давай так, – решил Николай. – Ты все равно не успеешь догнать этого мужика, если он опять появится. Мы сейчас вернемся к магазину, я подгоню машину, и будем его ждать. Если он поедет на метро, обязательно пройдет мимо, а если на машине, ты его по-любому не отследишь. Пойдем.

Он опять тронул ее за рукав, и Тоня послушно побрела за ним. Они обошли дом со стороны маленькой улицы.

В машине она оказалась совсем близко. Все-таки Невзорова изменилась за прошедшие годы. Была девчонка, стала взрослой женщиной. Очень хотелось спросить, есть ли у нее муж или друг, но Корсун не спросил.

На заводе молодых женщин было немного, хотя в последние годы студентки мелькали все чаще. Студентками Корсун не интересовался и даже не понимал, как можно проводить время с почти детьми, а женщин, ясное дело, замечал. И понимал, что и сам у них вызывает интерес, в связи с занимаемой должностью и

вообще. Впрочем, на заводе Корсун никаких приключений не искал, он был поглощен делом.

– Может расскажешь, что у тебя за тайны?

– Нет. Не могу, – улыбнулась Тоня. Рядом с ним она перестала бояться. – Тайна не моя. Да я и сама толком ничего не знаю.

– У твоей подруги неприятности?

– Да. – Тоня расстегнула шубку – в машине ей стало тепло. – Не надо об этом, Коля. Я все равно ничего не скажу и действительно очень мало знаю.

Под шубкой у нее виднелся белый деревенский платок. Такие платки каждую осень продают бабки у метро рядом с заводом. Никому из его «девушек» не могло прийти в голову надеть такой платок. Правда, и бывшая одноклассница едва ли стала бы рыдать из-за золотой висюльки, как его пассия.

Телефон в ее сумке заиграл неизвестную мелодию, Тоня быстро проговорила:

– Мама, я занята. Я тебе перезвоню. – И Корсун вдруг рассмотрел, что глаза у нее необычные, светло-карие, почти желтые, как у кошки. В школе он почему-то этого не замечал.

Мужика в темной куртке, вышедшего из прохода между домами, они заметили одновременно.

– Сиди, – бросил Корсун. – Не высовывайся. Ты приметная, а меня он не знает.

Темная куртка перемещалась по направлению к метро, Корсун нагнал мужика быстро, не особо маскируясь, вошел за ним в вагон. Преследуемый вышел на «Комсомольской», бодро двинулся навстречу толпе граждан с чемоданами – не иначе, как пришел какой-нибудь вечерний поезд – и тут Корсун его потерял. Он еще пометался немного, пытаясь высмотреть знакомую куртку, но отягощенные багажом пассажиры свободы для маневра не давали, и стало ясно, что с заданием он не справился.

Видимо, Дима задремал, потому что не сразу вспомнил, что лежит на диване, так и не сняв брюк.

– Мить, давай мириться, – прошептала Ася, усевшись на краешек дивана. Потормошила его рукой и привалилась к коленям.

Минуту назад он бы не поверил, что такое возможно: жена сама пошла на перемирие.

– Давай, – вздохнул Колосов.

Ему стало жалко Асю, она же не виновата, что Тоня решила уволиться. Ему вообще почти постоянно было жалко жену, с самого начала, даже когда она еще была его невестой.

С жалости, собственно, все у них и началось.

Он учился тогда на третьем курсе. Группа сдала последний экзамен, впереди ждали каникулы, и ничего прекраснее того давнего летнего дня не было. А может, ему сейчас только так кажется, потому что тот день был холодный, ветреный, то и дело принимался идти дождь. Дима, как обычно, сессию сдал на «отлично», собой был доволен и снисходительно успокаивал Тоню Невзорову, получившую на том последнем экзамене тройку. Невзорова тоже училась хорошо, не так блестяще, как он, конечно, но неплохо, и тройка могла подпортить ей диплом. Он экзамен сдал первым и потом долго болтался около аудитории, и только когда из нее вышла расстроенная Невзорова, вместе с ней направился к метро. Впрочем, в то время он почти всегда дожидался Тоню после экзаменов, хотя вовсе не считал себя ее парнем. Или все-таки считал?

По дороге к метро полил дождь, они еле успели заскочить в маленькое летнее кафе – несколько пластмассовых стульев под тряпичным навесом. Они взяли тогда по порции шашлыка и по бутылке пива, но пиво Тоне не понравилось, и он принес ей бутылку минералки.

Дождь распугал прохожих, все стулья очень быстро оказались занятыми, рядом с ними две тощенькие девчонки уныло потягивали пиво. У Тони тогда были очень длинные волосы, почти до середины спины. Они развевались на ветру, и Тоня сколола их пластмассовой заколкой. Он до сих пор помнил, как радостно

ему было смотреть на Тоню и какой красивой она ему казалась. В ней чувствуется порода, сказала о ней мама, когда впервые ее увидела. «Породистая» Тоня, почти без косметики, высокая и стройная, в модных тогда серых джинсах и серой же блузке, так разительно отличалась от сидевших рядом девчонок, что ему стало их жалко. Девчонки казались невзрачными: растрепанные, с мелкими чертами лица, с жалкими рюкзачками и немыслимым количеством сережек в ушах. У одной даже в носу сверкала золотая капля.

Он тогда не поверил бы, что эта, с каплей, станет его женой…

– Митя, переоденься, – прошептала Ася. – Ну что ты валяешься в костюме?

Эта ее привычка иногда шептать раздражала его ужасно. Обычно он терпел, потому что боялся ее обидеть, а сейчас промолчал, потому что говорить было лень. Ему давно стало все равно, кричит она или шепчет.

Дмитрий неохотно поднялся, осторожно подвинув жену.

– У меня был ужасный день. Ну просто ужа-асный! – Он шуршал одеждой, и Ася заговорила чуть громче. – Я одной дуре делала ведьмочку-оберег, ну такая прелесть получилась, просто чудо. Так ей не понравилось платье, можешь себе представить! Я сделала платье из синего шелка, а она решила, что синий теряется на фоне ее голубых обоев. Вот дура-то! Короче, платье я переделала, нарядила свою ведьмочку в черное. Получился такой у-ужас! А этой идиотке понравилось! Кошмар, да?

Когда-то Ася пыталась писать картины. Пейзажи. Даже Колосов, который ничего не смыслил в живописи, понимал, что пейзажи, мягко говоря, так себе. Ася, глядя на пыльную московскую улицу, рисовала тонкие березки и отдавала свои творения бывшему сокурснику Витюшке. Витюшка их куда-то пристраивал, хотя самое место им было на помойке, и даже платил Асе какие-то деньги, правда, жена никогда не говорила, сколько зарабатывает. Впрочем, Дима и не спрашивал.

За пейзажами последовали букеты цветов, которые были не лучше пейзажей. Потом Ася пыталась копировать картины известных и почти неизвестных живописцев, но с этим дело совсем не пошло, поскольку у жены не было не только таланта, но и простого терпения. Вообще, Колосов не понимал, зачем

люди заказывают плохие копии картин, если можно купить отличную репродукцию, но это личное дело заказчика, разумеется.

В последнее время жена занялась изготовлением оберегов: ведьм, домовых и прочей ерунды. Обереги она делала исключительно под заказ, а заказчиков ей поставлял все тот же Витюшка. Обереги получались гораздо лучше картин, иногда очень забавные, но как человек в здравом уме может повесить такое изделие дома, Колосов все-таки понять не мог.

– Митя, ты что, не слушаешь меня?

Ася надула губки, посмотрела обиженно и стала похожа на испуганную маленькую девочку. Коротко остриженные волосы торчали в разные стороны неровными прядями. Она уже давно не носила дешевой одежды, в какой он впервые ее увидел, и теперь стриглась в дорогой парикмахерской, а впечатление до сих пор производила жалкое. Как нищенка.

Ему неприятно, неловко было на нее смотреть. Он давно стеснялся своей жены, собственно, он с самого начала ее стеснялся. Наверное, потому и жалел.

Впрочем, сейчас он жалел себя. Тоня скоро окончательно исчезнет из его жизни, и что после этого с ним будет, он не знал.

– Слушаю, – пробурчал Колосов. – Слушаю, рассказывай.

Ася не виновата, что до сих пор выглядит провинциальной неудачницей. Она не виновата, что выросла в подмосковном рабочем поселке, еле-еле окончила десять классов и даже мечтать не могла о высшем образовании.

Во всем виноват только он один.

Сидеть в чужой машине было неуютно, скучно и глупо, Тоня совсем извелась, без конца доставая телефон, чтобы узнать время.

– Я его упустил, – виновато бросил Корсун, наконец-то плюхнувшись рядом с ней. – На «Комсомольской» упустил, у трех вокзалов.

Он давно не чувствовал себя виноватым, много лет.

– Ничего, – утешила его Тоня. – Я бы тем более упустила. Спасибо тебе.

Ореховые глаза опять оказались совсем рядом. Ему нравилось смотреть в ее глаза и хотелось подольше с ней не расставаться, а возвращаться к девушкам, которым никогда не пришло бы в голову купить деревенский платок, совсем расхотелось.

То ли от неудачной слежки, то ли еще отчего-то, он внезапно и не к месту оробел, как когда-то в школе, хотя никогда не отличался робостью, особенно с женщинами. Да и в детстве он был высоким и сильным, сильнее всех в классе, хотя специально мышцы не накачивал. И учился лучше всех. А перед Антониной Невзоровой робел.

– Давай я отвезу тебя домой.

– Спасибо.

– Только теперь уж доведу до квартиры.

– Спасибо, это лишнее.

– Не лишнее, – пробурчал он. – Меня мама так учила.

– У тебя хорошая мама, – улыбнулась Тоня.

– Она умерла, когда я учился на втором курсе, – неожиданно сказал он то, чего никогда никому не говорил, тем более «любимым девушкам».

Она ничего не ответила, только посмотрела на него, а он как дурак понес уж вовсе лишнее.

– А больше у меня родственников не было.

– Как же ты… выжил, Коля?

– Выжил как-то. Хорошие люди помогли. – Теперь он пожалел, что его потянуло на откровенность, испугался, что она начнет выспрашивать подробности, но Тоня ничего больше не спросила.

Она молчала, и ему показалось, что она поняла все то, чего он не произнес: как нелегко ему пришлось, одинокому студенту-второкурснику.

У подъезда она вновь решительно с ним распрощалась, и он этому даже обрадовался. Что-то стало тянуть его к ней, мешать вернуться к привычной жизни, а он не любил, когда ему мешают.

– В общем, Коля потерял его на «Комсомольской», – рассказывала Тоня.

Тимошка заснул, на Лилиной кухне было тепло и уютно, Тоня сильно проголодалась и устыдилась, заметив, что почти опустошила вазочку с печеньем.

– Этот Коля… Он не может быть связан с моим вымогателем?

– Лиля! – возмутилась Тоня. – Ну что ты выдумываешь? Шантажист не мог знать, что ты прибежишь ко мне за деньгами и я узнаю про шантаж. А Коля-то тем более.

– Я тебе отдам деньги самое позднее, когда Иван приедет, – спохватилась Лиля.

– Не к спеху. Ты лучше скажи, почему не хочешь позвонить Ивану?

Лиле было плохо, страшно, из глаз текли слезы, но она этого не замечала. Тоня отчаянно ее жалела и вдруг поняла, что чувствует себя виноватой перед ней, потому что после встречи с бывшим одноклассником ей стало отчего-то не то чтобы весело, а как-то легко, и даже Лилины неприятности перестали казаться пугающими.

– Я не хочу его волновать, – Лиля потрясла головой, достала носовой платок из домашних брюк, промокнула глаза. – Я боюсь. Иван гипертоник, у него и так давление иногда зашкаливает, он от меня это скрывает, но я знаю.

– А приедет Иван, узнает, что здесь произошло, лучше будет?

– Пусть спокойно продает дом. Пока сама справляюсь, срывать его не буду.

Тоня сомневалась, что Лиля сама справляется. Конечно, походить на сумасшедшую она перестала, но Тоня видела, что она на пределе.

– Давай попробуем телефон шантажиста пробить. У тебя есть знакомые в полиции?

– Откуда? Я же по гражданскому праву специализируюсь, а не по уголовному.

– Лиля, но нельзя же просто сидеть и ждать, когда он опять потребует денег. Вот позвонит он завтра, и что ты будешь делать?

– Возьму кредит… Не знаю, что буду делать! Не знаю я ничего!

Она заплакала, не вытирая слез, Тоня не знала, как ее успокоить, и поэтому молчала.

Домой Корсун ехал по совсем пустой Москве, хоть какая-то польза от надоевшего холода. С удовольствием переоделся в старый теплый свитер, мягкие фланелевые брюки, налил коньяка в кофейную чашку, потому что подвернулась под руку, развалился на диване, включил телевизор и выключил – скука одна. Нашел среди разбросанных бумаг электронную книгу, почитал немного какую-то недавно скачанную из Интернета дребедень про бандитские разборки и отложил.

С тоской посмотрел на бумаги – он принес их с работы в прошлые выходные, но прочитать так и не успел – и потянулся к брошенному рядом на диван телефону.

Последние несколько недель он встречался с девушкой Леночкой, парикмахером в салоне, куда регулярно ходил стричься. Мастера там были все как будто на одно лицо, к тому же зачем-то постоянно перекрашивали волосы, и после первого свидания с Леночкой, ожидая ее как-то вечером под вывеской парикмахерского заведения, он до смерти боялся перепутать ее с какой-нибудь другой девушкой. На первом свидании они ходили в ресторан. Корсуну было

скучно и страшно хотелось домой, но он терпеливо играл роль заботливого кавалера и не прогадал – при втором свидании Леночка легко отправилась к нему на квартиру.

– Лено-ок, – пропел Корсун в трубку и стал сам себе противен. – Как дела?

– Ко-оленька, – обрадовалась трубка.

– Ты как? Свободна?

– Ой, Коля! Для тебя я всегда свободна.

– Ты работаешь сегодня?

– Работала, – засмеялась Леночка. – Одиннадцатый час, Коля. Смена окончилась давно.

– Может, заглянешь? – По-хорошему, ее нужно встретить и проводить, Корсун обычно так и делал, а сейчас почему-то не стал, хоть и чувствовал себя от этого виноватым.

– Ладно, – согласилась трубка. – Сейчас приду. Я в салоне еще, через пять минут буду. Жди.

Салон находился совсем рядом. Корсун с грустью подумал, что, когда с Леночкой будет кончено, придется искать другую парикмахерскую.

Она появилась минут через двадцать, веселая, пахнущая духами и спиртным. Корсун обнимал ее, холодную с мороза, тыкался лицом в пушистые волосы и понимал, что с Леночкой еще скучнее, чем с бандитскими разборками.

– Ты представляешь, у Кирки сегодня день рождения был, мы после работы отмечали.

– Представляю, – ответил Корсун. Он совсем не помнил, кто такая Кирка, вроде бы она делала маникюр. Впрочем, что такое маникюр, он тоже представлял себе слабо.

– Так она не сказала, сколько ей лет. Представляешь? Ее спрашивают, а она не говорит. Ужас, да?

– Ужас, – опять согласился Корсун.

– Как будто мы не узнаем, если захотим! Ну вот зачем так делать, а, Коль?

– Не знаю. По глупости, наверное. Ты есть хочешь?

– Угу, – кивнула Леночка. – Кирка только торты принесла, а я всю смену отпахала, с утра не ела. А выпить у тебя есть?

– Тебе не много будет? – усомнился он.

– В самый раз, – засмеялась Леночка. – В самый раз, неси.

Корсун поплелся в комнату, где в старой-престарой стенке держал спиртное. Поизучав бутылки, выбрал французское мерло, которое недавно принес приятель-сослуживец. Приятель принес дорогое мерло, а пили они русскую водку, которая, к счастью, нашлась у Корсуна.

Леночка уже достала из холодильника ветчину, нарезала хлеб и с удовольствием уминала бутерброд, покачиваясь на хлипкой табуретке. Корсун достал рюмки, открыл бутылку.

– За нас.

– За нас, – послушно повторил он и вдруг заметил, что глаза у Леночки тоже светло-карие. Не такие желтые, как у бывшей одноклассницы Тони, не кошачьи, но очень похожие, и ему отчего-то стало неприятно.

– Знаешь, Коля, – Леночка задумчиво смотрела мимо него. – Я совсем ничего про тебя не знаю. Ты кто?

– Я?.. – задумался Корсун. – Черт его знает, кто я. Человек.

– Я серьезно, Коля, – она вдруг перестала казаться пьяненькой.

– Я работаю на заводе.

– Кем?

– Лен, ну какая разница? Мне не хочется говорить о работе. У меня выходные.

– Я для тебя никто, да? – Она все так же смотрела мимо, но Корсуну стало не по себе.

– Мне с тобой хорошо, Лен, – он тоже смотрел мимо нее и знал, что соврал. Ему было с ней никак. Скучно.

– Да-а? – протянула она. – Что же ты скрываешь, кто ты?

– Да ничего я не скрываю, – поморщился он. – Я просто не хочу говорить о работе.

Одноклассница Тоня ничего у него не спрашивала, а он знал, что она все понимает.

– Ты меня просто используешь! Я тебе что, девка с трассы? – Лена допила вино, плеснула себе еще.

– Лен, ну что на тебя нашло? Что за кликушество?

– Кликушество?! Да тебе наплевать на мои… мои проблемы!

– А какие у тебя проблемы? Ты расскажи сначала, потом будешь решать, наплевать мне или не наплевать.

– Почему ты не говоришь, кто ты?

– Я сказал, – терпеливо повторил он. – Я работаю на заводе.

– А я еще раз спрашиваю – кем? Кем ты работаешь?

– Это имеет значение?

– Да! – закричала она. – Да! Это имеет значение! Я тебе…

– Не девка с трассы, – подсказал он. – Лен, кончай. Ты выпила лишнего и говоришь глупости. Давай я тебя провожу домой, завтра все будет выглядеть по-другому, вот увидишь.

– Не надо меня провожать! – она заплакала, вытирая лицо и размазывая по нему тушь. – Не смей меня провожать!

Она жила рядом. Он ее проводил, конечно. Шел за ней, стараясь не приближаться, слушал, как она всхлипывает, и вместо жалости испытывал трусливое облегчение. Впрочем, жалость он тоже испытывал, потому что все сказанное ею было правдой. Он ее использовал, и ему было наплевать на ее проблемы.

«Я никогда бы не подумала, что ты можешь так поступить с девушкой, Коленька», – сказала бы мама.

Можно делать все, что не обижает людей, когда-то повторяла она. Сейчас Корсун мог бы с ней поспорить: жизнь устроена так, что не дать обидеть себя однозначно означает обидеть другого. А себя в обиду Корсун давно уже не давал.

Около подъезда он попытался помириться с Леночкой, но она вырвала руку, брыкнулась, произнесла несколько непечатных слов, чего он терпеть не мог, и тем самым сделала все, чтобы он почти не испытывал мук совести.

Суббота, 15 декабря

Утро выдалось совсем тоскливым. Тоня полежала, разглядывая потолок в свете далеких уличных фонарей, посетовала, что тьма как опустилась на несчастную

московскую землю месяц назад, так все никак не рассеивается, и нехотя поднялась с постели. Нехотя поплелась в ванную, потом на кухню. Только устроившись с чашкой кофе у окна и наблюдая за лениво подступающим мрачным рассветом, почувствовала, что ненужная и беспричинная тоска слегка отодвинулась. Ей не с чего тосковать, она молодая, красивая, успешная женщина, и ее ждет впереди огромное счастье. Нужно только все время в это верить, а она забывает.

Неожиданно и громко протренькал дверной звонок. Тоня метнулась к двери, даже не взглянув в глазок, распахнула ее и разозлилась, уставившись на соседа Максима. Она сто раз ему намекала, что являться, когда заблагорассудится, к молодой женщине просто неприлично, но он на ее намеки плевать хотел, являлся иногда даже среди ночи, а если она не открывала, начинал колотить по двери.

– Ну что на этот раз? – мрачно пробурчала Тоня, загораживая вход в квартиру. – Позвонить не мог?

– Спаси, подруга, – легко ее отодвинув, Максим проник в прихожую, привалился к стене. – Помоги, христа ради, не дай пропасть. Анальгинчику дай или чего там… Голова сейчас расколется.

– Пить надо меньше.

– Конечно, надо, – согласился он. – Я что, спорю? Ну дай анальгинчику, не мучай. А еще лучше опохмелиться. Нет, лучше опохмелиться и анальгинчику.

– Стой здесь, – велела Тоня, отступая на кухню, где хранились лекарства. Сейчас ей меньше всего хотелось выслушивать его очередные жалобы.

Пожаловаться Максим любил, собственно, только за этим он к Тоне и приходил. Жаловался на головную боль, на грипп, на плохую погоду, на несчастную любовь или, наоборот, на любовь счастливую, потому что она, счастливая любовь, реально угрожает Максимовой свободе. Сосед числился индивидуальным предпринимателем и относил себя к миру искусства, потому что каким-то боком был связан с куплей-продажей антиквариата. Тоне он казался откровенным мошенником, можно только удивляться, как кто-то соглашается иметь с ним дело.

– Держи, – протянув соседу блистер таблеток, Тоня решительно загородила собой путь на кухню.

– А запить? – состроил жалобную мину Макс.

– Дома запьешь.

– Злая ты, Тонька. И не гостеприимная. Но я тебя все равно люблю. Знаешь что, соберешься замуж, рассмотри мою кандидатуру.

– Не рассмотрю.

– Почему? – удивился он. – Парень я хороший, смирный. Заработок не твердый, но тебя всяко прокормлю. И пить брошу, точно.

– Максим, иди.

– Нет, ну правда, Тонь. Чем я тебе не жених?

– Дамочки твои мне физиономию расцарапают. А я этого не хочу, я себе нравлюсь.

– Не допущу, – заверил он. – И мне ты тоже очень нравишься, кстати.

– Максим, пока.

– Ухожу-ухожу. Слушай, Тонь, не хочешь замуж, возьми меня в любовники. А?

– Максим, пока.

– Ну ладно, пошел я, пошел, – засмеялся он. – Спасибо за помощь. Хороший ты человек, добрый, не злой.

Тоня заперла за ним дверь и постояла, уставившись в стену. Почему-то, открывая дверь Максиму, она решила, что пришел Коля Корсун. Очень глупо с ее

стороны, Коля даже не знает, в какой квартире она живет.

Ему нет до нее никакого дела.

Впрочем, ей тоже нет до него никакого дела.

Что-то вытянуло Корсуна из мутного тяжелого сна. Снились ему какие-то развалины, серые кучи арматуры и он, одинокий и потерянный, полный чувства опасности среди этих куч. Коля поморгал, повернулся на спину и понял, что звонят в дверь.

– Привет, – кивнул он Леночке, впустил ее в квартиру и поплелся в ванную.

Вчера он перебрал, сначала допил вино, потом водку, которая осталась от предыдущих выходных. Под душем тяжелая одурь начала проходить, он сделал воду попрохладнее, потом еще прохладнее. Потом с удовольствием растерся жестким полотенцем, напялил висевший здесь же махровый халат и вышел на кухню почти человеком. Халат ему подарила одна из подружек. Сначала он подарку здорово огорчился, потому что считал халат вещью совершенно ненужной, а места в шкафу он занимал много. А однажды после душа, спутав халат с банным полотенцем, Коля понял, что это вещь удобная и нужная, и даже собрался приобрести еще один на смену, но так и не приобрел, руки не дошли.

– Кофе будешь? – Леночка шарила по кухонным полкам, и ему стало почему-то неприятно.

– Угу.

– Ты на меня не сердишься за вчерашнее?

– Нет.

– Коль, ну согласись, что я права, – она все шарила по полкам, и теперь это уже откровенно его раздражало. – Я же ничего о тебе не знаю.

– Что ты ищешь, Лен?

– А? Нет, ничего. – Она наконец оставила несчастные полки в покое, насыпала кофе в турку, поставила на огонь. – Мы с тобой уже столько времени, а ничего о тебе не знаю.

Они встречались раз пять, не больше, но Корсун уточнять не стал, конечно.

– Это просто невероятно! Я к тебе прихожу, остаюсь, а ты ничего о себе не рассказываешь.

Кто он такой, стоило узнать до того, как у него оставаться, зло подумал Корсун и опять промолчал.

– Вот скоро Новый год. Ты не собираешься познакомить меня с родственниками?

Кофе из турки убежал, Корсун выключил газ, отодвинул Леночку, кое-как вытер тряпкой плиту.

– У меня нет родственников.

– Ну вот видишь! Я ничего о тебе не знаю, ничего.

Кофе оказался слабым, невкусным. Нужно было сварить заново, но ему не хотелось ее обижать.

– Ты мой любимый человек, а я ничего о тебе не знаю. Я даже не знала, что ты…

Про любовь ему слышать было еще неприятнее, чем наблюдать, как она роется в полках.

– Сирота, – подсказал Корсун.

– Ко-оля, – она укоризненно на него посмотрела. – Я с тобой серьезно разговариваю. Как же… так получилось?

– У меня мама умерла, когда мне было восемнадцать лет.

– Да-а? А отчего? – Ей стало так любопытно, что она даже отставила чашку с кофе. – Сколько ей было лет?

– Исполнилось сорок шесть.

– Слушай, а отчего можно умереть в сорок шесть?

– По разным причинам умирают.

– Но она-то отчего умерла?

– От рака.

Мама болела долго и мучительно, а он почти до самого конца ни о чем не догадывался.

– А-а… От рака чего?

– Лен, ну какая тебе разница? Что за нездоровое любопытство?

– Ничего здесь нет нездорового! Я должна знать про твою семью.

– Зачем?

– Что?

– Зачем тебе знать про мою семью?

– Ну знаешь! Да хотя бы… потому, что некоторые болезни являются наследственными!

Он еле сдержался, чтобы не напомнить ей, что еще не делал ей предложения руки и сердца.

– Лена, давай сменим тему.

– Ну хорошо, – все-таки она поняла, что пора остановиться. – Где будем Новый год встречать?

– Не знаю. Я не думал об этом.

– А обычно ты где встречаешь?

– Дома, конечно.

– Дома? Почему дома? У тебя что, денег нет?

– При чем тут деньги? – не понял он.

– Ну… люди же в рестораны ходят. Даже за границу на Новый год уезжают.

– А-а, – мысль встретить Новый год за границей с Леночкой показалась ему настолько пугающей, что он едва не поежился. – Я не люблю рестораны. И отели не люблю. Я люблю быть дома.

Нужно немедленно искать новую парикмахерскую. В Интернете, что ли, посмотреть? Хорошо, что время есть, до Нового года можно не стричься.

– Коль, а давай поедем куда-нибудь, где море, солнце, а? Представляешь, в Москве снег, мороз, а мы в море купаемся!

– Лен, ты извини, – засуетился Корсун. – Мне на работу сегодня обязательно надо. Я и так уже опаздываю.

– Сегодня же выходной.

– Так я на заводе работаю, я же тебе говорил. Там нет выходных.

– А какая у тебя должность?

– Инженер. – Ему совсем не хотелось говорить, кем он работает. Впрочем, она бы все равно не поняла.

– А-а, – разочарованно протянула Леночка.

Он был уверен, что она спросит, сколько он получает, но Леночка не спросила. Видимо, оставила до следующего раза.

Закрывая за ней дверь, он мучительно соображал, как бы закончить все мирно и побыстрее, и не мог придумать как.

– Мить, что мы сегодня делать будем? А, Мить?

Колосов не представлял, чем занять выходные, и поэтому промолчал.

– Ну Митя… – Ася подлезла ему под руку, устроилась на плече. В квартире было прохладно, Колосов машинально укрыл одеялом и плечо, и жену.

– Ты говорила, нужно в прачечную сходить.

– Ну да, – Ася потерлась о его руку. – Но я же не это имею в виду. Давай куда-нибудь сходим. В Доме художника новая выставка. Давай сходим, а, Мить?

Выставки Колосов терпеть не мог, жена отлично это знала, но все равно таскала его смотреть на живопись, в которой он ничего не смыслил. Нет, не так. Это он позволял ей убивать его свободное время. Впрочем, ему давно стало все равно, как убивать это самое время.

– Я к маме съезжу, – неожиданно решил Колосов. Ему очень хотелось освободить плечо от Асиной головы, но он не рискнул.

– Зачем? – от удивления жена даже приподнялась и заглянула ему в лицо.

– Ася, – поморщился он. – Ну зачем навещают родителей? Повидаться. Зачем же еще.

– А… А я что буду делать? – она заплакала сразу, без подготовки, без вступительных слов и дрожащих ресниц, что было удивительно, и Колосов должен был ее пожалеть, но почему-то не жалел.

Сегодня он мог жалеть только себя. Ему предстояло жить без Тони, а он совсем был к этому не готов.

Колосов выбрался из постели, слегка отодвинув Асю, хотел включить на кухне чайник, но не включил, а стал тупо смотреть в окно, опираясь о подоконник.

– Мить, ты меня разлюбил, да? – Он не услышал, как жена оказалась за его спиной, и от этого почувствовал себя совершенно беззащитным.

– Не говори глупостей. – Он с трудом заставил себя повернуться к ней. – Мне надо съездить к маме, только и всего.

– А… зачем? Ей нужно что-то сделать, да?

– Да, – соврал Колосов.

– А что?

– Да так, по мелочи, – он наконец-то включил чайник. – Холодильник передвинуть, еще кое-что.

Мать действительно просила его передвинуть холодильник. Месяца два назад просила, если не раньше, а он вспомнил об этом только сейчас.

– Ты не надолго?

Он так боялся, что Ася решит ехать с ним, что, наверное, стал бы молиться, если бы был верующим.

– Нет, не надолго, – он заставил себя обнять Асю, поцеловал в макушку, она это любила.

Город казался почти пустым, ни машин, ни прохожих. Холодно. На машине ехать было удобнее, в метро приходилось делать две пересадки, но Колосов направился к метро. Почему-то у него не было сил садиться за руль.

В метро тоже оказалось непривычно пусто. Он уселся в углу вагона и неожиданно вспомнил, как однажды, провожая Тоню с какой-то студенческой вечеринки, стоял у темного стекла в конце вагона и загораживал ее руками от пассажиров, и вся она была так близко, и ему очень хотелось ее поцеловать. Он не поцеловал только потому, что сзади стояли чужие люди и очень мешали ему своим присутствием. Он был тогда таким счастливым, каким можно быть только в ранней юности.

С Асей он никогда не был так счастлив.

Он все бы перекроил, если бы мог вернуть тот день, когда они с Тоней сдали экзамены и сидели на шатких пластмассовых стульях, пережидая дождь.

Девчонок напротив он почти сразу перестал замечать. Тоня что-то говорила, он слушал и отвечал, и пообещал себе тогда, что проводит ее, вернется домой и скажет ей по телефону что-то очень важное. Он тогда еще не придумал, что именно скажет, да это было и не важно. Важным были ее счастливые глаза, и развевающиеся на ветру волосы, и тихий смех.

То, что одна из девчонок рыдает, сначала заметила Тоня. Испугалась, начала ее расспрашивать, он уже потом подключился. У девчонки не хватало денег на билет на электричку до дома. Ему уже тогда стало ясно, что рыдания эти по меньшей мере странные, она должна была прикинуть свои финансы перед тем, как пить пиво. Да и перед тем, как ехать в Москву, тоже. К тому же тогда еще не везде были турникеты на перронах у пригородных поездов, и ездить без билета считалось почти нормальным.

Девчонка рыдала, подружка, Тоня и Колосов ее уговаривали, совали деньги, а потом получилось как-то так, что рыдала она, уже вцепившись ему в руку, он изо всех сил пытался ее успокоить, а Тони рядом не было.

Он тогда здорово разозлился, что она ушла, оставив его с этой дурой, от злости и поехал провожать Асю, и ни за что бы не поверил, что уже никогда не скажет Тоне самых главных слов…

Задумавшись, он едва не проехал нужную остановку. А уже у самого подъезда вспомнил, что забыл ключи от маминой квартиры, принялся звонить в домофон и очень обрадовался, услышав мамин голос.

Вставать не хотелось. Даша, протянув руку, включила плеер, полежала под негромкую музыку и выключила. Вообще-то музыку она любила громкую, заводную, и танцевать любила под громкую музыку, но дома никогда себе такого не позволяла, беспокоить соседей в семье считалось непозволительным, и она этому правилу следовала. Собственную квартиру Даша ненавидела. Когда она сюда только въехала, эта конура казалась ей верхом счастья. Немыслимым счастьем, неописуемым. Вот дура-то она была. От жизни надо хотеть многого, тогда многое и получишь. А если радоваться каждой крохе, с крохами и проживешь.

Больше всего Даша мечтала о жилье в элитном доме. Там и соседи соответствующие, не занюханные пенсионеры, как у нее в подъезде. И даже если в новом доме не найдется подходящего холостяка-миллионера, который не пройдет мимо ее красоты, можно будет сойтись с новыми соседями, обрасти полезными знакомствами. Даше очень хотелось войти в манящий мир по-настоящему богатых людей. А что в этом плохого?

Ничего в этом плохого нет. Но возможности проникнуть в этот манящий мир у нее нет никакой, пока будет торчать в панельной девятиэтажке. Не в магазине же, в самом деле, с потенциальным женихом знакомиться, миллионеры в магазины не ходят, им продукты домой приносят.

Ей давно пора замуж, но замуж она выйдет только за стоящего человека. Требования свои она определила давно: во-первых, чтобы был богат, а во-вторых, чтобы капитал нажил хотя бы отчасти законным путем. О совсем законном она не мечтала, понимала, что это совершенно невозможно. Все остальное в женихе было неважно. Конечно, хотелось, чтобы он был не стар и хорош собой, но это скорее недостаток, чем преимущество, – на молодого и красивого претенденток больше. Впрочем, их и на немолодых хватает.

Но самым главным для Даши было доказать тому единственному человеку, без которого она сейчас не живет, а существует, что она, Даша, вовсе не «никто». Мы с тобой никто, сказал тогда единственный человек. Мы с тобой никто, а я хочу, чтобы мои дети учились за границей. Тогда он объяснял Даше, почему должен жениться на своей сокурснице, дочери крупного чиновника. Ее папаша иногда мелькал в телевизоре, пересаживался из кресла в кресло, а единственный человек ездил на очень дорогих машинах, носил очень дорогие часы и костюмы и почти не замечал Дашу, когда она изредка попадалась ему на

глаза.

Сначала Даше казалось, что уход единственного она в буквальном смысле слова не переживет, что у нее вот сейчас, сию минуту, остановится сердце, но сердце, как ни странно, продолжало биться, и она постепенно приспособилась к жизни без единственного. Иногда она о нем даже забывала, жаль, что ненадолго.

Даша еще повздыхала, потянулась, нашла ногами тапочки, поплелась на кухню. Включила чайник, поизучала холодильник, а потом рука сама потянулась к телефону звонить двоюродной сестре Тоне.

– Приезжай, – попросила Даша. – Такая скука, никаких сил нет.

– Ты же клиенток своих от скуки лечишь, – напомнила Тоня. – Примени к себе свою науку.

По профессии Даша была психологом, а представлялась не то экстрасенсом, не то магиней, не то колдуньей. Снимала порчу, проводила какие-то ритуалы. По Тониному мнению однозначно дурачила несчастных женщин, которые в основном и были Дашиными клиентками. Про клиентов-мужчин сестра ни разу не упоминала.

– Я их лечу не от скуки, а от душевных травм, – поправила Даша. – А у меня душевной травмы нет, просто замуж хочу.

Душевная травма была, конечно, но знать об этом сестре не нужно.

– Тут я тебе ничем помочь не смогу, у меня запасного жениха нет. У меня и своего-то нет.

– Ясное дело, что не сможешь. Поэтому приезжай, будем страдать вместе.

С одной стороны, выходить на мороз совсем не хотелось, а с другой… Права Дашка, вместе не так скучно.

– Приеду, – решила Тоня. – Через полчасика выйду.

– Дима? – удивилась Людмила Федоровна. Колосову даже показалось, что она испугалась немного. – Что-то случилось?

– Нет, мам, – ему стало стыдно и тоскливо, что его неожиданный визит в дом, где он вырос и где мама всегда его ждала, потому что больше ей ждать было некого, вызывает у нее не радость, а испуг. – Ничего не случилось. Ты просила холодильник подвинуть, помнишь?

Он повесил одежду на старенькую вешалку, которую давно пора было заменить. Теперь ему стало стыдно за эту старую вешалку, он знал, что деньги у матери есть, она неплохо зарабатывала, просто у нее нет желания заниматься квартирой, в которой не бывает никого, кроме ее давних подруг. Когда он не был женат на Асе и жил здесь, мама постоянно что-то обновляла, заменяла, без конца носилась с тряпкой и ругала себя за это.

– Я давно справилась, Димочка, – улыбнулась Людмила Федоровна. – Позвала ребят-таджиков, которые у нас двор убирают, они мне все сделали за две минуты.

– А… – протянул Колосов. – Ну и ладно. Я просто так посижу.

– Ты завтракал?

– Нет.

– У меня ничего особо вкусного нет, к сожалению. Разогрею котлеты из кулинарии, они очень неплохие. Будешь?

– Буду.

Это тоже казалось непривычным и неприятно кольнуло – раньше мама готовую кулинарию никогда не покупала. Готовила сама, быстро, просто, но вкусно. И когда они с Асей по несколько раз в год приходили к ней на обязательные семейные торжества вроде дней рождения, на столе стояли исключительно приготовленные матерью блюда.

– Что-то все-таки случилось, Дима? – Она возилась у плиты, и Колосов, как обычно, подумал, что мама остается очень интересной и моложавой женщиной.

– Ты помнишь Тоню Невзорову из моей группы?

– Конечно, – Людмила Федоровна повернулась и внимательно на него посмотрела.

– Она ведь у нас в институте работает.

– Я помню, ты говорил.

– Она увольняется с нового года.

Мать промолчала. За окном белели инеем тонкие ветви березы. Береза была старая, наверное, ровесница дому, Дима помнил, как за окном виднелась ее верхушка, а сейчас видны только самые нижние ветки. Когда-то он любил лазить по шершавому стволу, мама его за это не ругала, а соседи почему-то возмущались.

– Дима… – Людмила Федоровна опять повернулась к плите, перевернула котлеты, хлопнула дверцей холодильника, достала какие-то банки. – Я тебе никогда не рассказывала, почему мы развелись с твоим папой, а теперь, пожалуй, расскажу.

Отца Колосов помнил плохо. Собственно, он о нем почти и не вспоминал, родители развелись, когда ему было всего пять лет, и отца с тех пор он видел всего несколько раз.

– Он тогда поехал в командировку надолго, на месяц. И там у него случился роман. Подробности тебе не нужны, я их опущу. В общем, получилось так, что я об этом узнала. Я его очень любила и очень ему верила, и удар для меня был смертельный. Видеть его я тогда просто физически не могла, ни о какой дальнейшей общей жизни и речи быть не могло, и я подала на развод. И знаешь, до последнего времени я считала, что поступила тогда правильно…

Людмила Федоровна поставила перед сыном тарелку, мисочку с каким-то салатом, хлеб.

– А теперь ты так не считаешь?

– Теперь не считаю. Он тоже очень меня любил. Я это и сейчас понимаю, и тогда знала. Он начал пить, его выгнали с работы один раз, другой… Я могла протянуть ему руку и вытащить. Но я даже на звонки его не отвечала. Он ведь умер совсем молодым, чуть постарше тебя.

На белую березовую ветку уселась ворона, лениво каркнула, потопталась и улетела.

– Не знаю, догадывался ли ты, все-таки я от тебя это скрывала, но у меня потом были мужчины. Некоторые даже замуж звали. Только знаешь, Дима, я о них совсем не вспоминаю. Так, к случаю, если что-то напомнит. А о твоем отце помню постоянно. Он был моей судьбой, и я отказалась от собственной судьбы.

Мать опять отвернулась к плите, зажгла газ под чайником, достала конфеты в вазочке.

– Я тебя ревновала к Тоне Невзоровой, а к твоей жене – нет. – Мать всегда за глаза называла Асю «его женой». Раньше его это раздражало, а сейчас он просто не обратил внимания. – Когда вы были вместе с Тоней, вы напоминали мне нас с твоим папой, молодых, когда тебя еще в проекте не было. Я не хочу и не могу давать тебе советов. Дима, я только к концу жизни поняла главное – за свое счастье надо бороться.

Разговаривать с мамой было хорошо, спокойно, как с Тоней, но он заторопился.

К морозу добавился промозглый ветер. Колосов почти бежал до метро, в полупустом вагоне сунул озябшие руки между ног… и сам не заметил, как очутился у Тониного подъезда. Он тыкал в кнопки домофона и слушал гудки, потом за какой-то дамой с собачкой прошел в подъезд и слушал звонок за Тониной дверью, а потом позвонила Ася, и он поехал домой.

Уже одевшись, Тоня не удержалась, позвонила Лиле, долго слушала длинные гудки, бросила трубку и, замирая от страха, побежала вверх по лестнице к ее квартире.

– Господи! – облегченно вздохнула Тоня, когда соседка открыла дверь. – Ты почему к телефону не подходишь?

– Я его отключила, – шепотом объяснила Лиля, выходя на лестничную клетку и осторожно прикрыв дверь.

– Зачем? Ты боишься, что шантажист снова позвонит?

– Да. – У Лили из глаз полились слезы, но она этого не заметила.

– Лилечка, позвони Ивану. Позвони.

– Пока не буду.

– Но… А вдруг шантажист сюда заявится?

– Я дала ему номер мобильного. Надеюсь, что не заявится.

– Тогда зачем ты городской отключила?

– На всякий случай, Тимка может трубку снять. Спасибо тебе, Тоня. Не беспокойся, если что, я тебе сразу позвоню.

– Точно?

– Точно, – заверила Лиля. – Мне помощи больше ждать не от кого.

До метро было совсем близко, но прямо у подъезда освободилось такси, и Тоня доехала до сестры с комфортом.

Сначала посмотрели новые Дашины серьги с изумрудами. Сама Тоня серьгами не интересовалась, поскольку проколоть уши так и не удосужилась, хотя признала,

что вкус у сестры отменный. Изумруды были небольшие, но сами серьги исключительно изысканные.

– Супер, – похвалила Тоня.

– Супер, – согласилась Даша. – Было бы еще куда их носить. И с кем.

– У тебя же есть парень. Программист.

– А… – протянула Даша. – Севка. Типичное не то.

– Почему не то? Женат?

– Потому что программист, – разозлилась сестрица. – А мне нужен нормальный муж, богатый. Как программист, я и сама заработаю.

– Богатого посадить могут, – усмехнулась Тоня. – Сейчас в каждых новостях показывают, как их, бедолаг, с поличным берут одного за другим.

– Авось пронесет, – засмеялась Даша. – Ну ты вот скажи, почему бабуле нашей повезло, а нам с тобой нет?

– Даш, я есть хочу. Я не завтракала.

– Пошарь в холодильнике. А я ничего не буду. Чайку попью. Бабуля была простой медсестрой, а отхватила себе генерала.

– Он тогда не был генералом, – заваривая чай в новом Дашкином чайнике, уточнила Тоня. Чайник был оригинальным, нужно узнать, где сестра его покупала.

– Но потом-то стал! К тому же дед привез ее из Подмосковья.

– Ясно, что из Подмосковья, – удивилась Тоня. – Если прабабка с ее стороны в Правде похоронена.

– Бабуля особенной красотой не отличалась, фотки-то мы видели. А дед был парнем красивым. Умный красивый парень с высшим образованием и московской пропиской. С какой стати он на ней женился?

– Потому что любил.

– Вот ведь интересно, – задумалась Даша. – Бабуля никогда о нем не говорит, как будто его и вовсе не было.

– А что она должна говорить, если он сто лет как умер?

– Ну… не знаю. Должна бы хоть когда-нибудь о нем упоминать. Как это обычно бывает: дедушка говорил то, дедушка говорил это… А она ни про него ни разу не упомянула, ни про его семью.

С этим Тоня согласилась, бабушка действительно никогда не упоминала мужа. Впрочем, у бабушки сложный характер.

– И получается, что мы ничего про своего деда не знаем, – заключила сестра.

В холодильнике лежала сомнительная колбасная нарезка, но Тоня рискнула, сделала себе бутерброд. На вкус колбаса оказалась отличной, и она сделала второй.

– Как ты думаешь, программист может узнать по номеру мобильного паспортные данные? – спросила она Дашу.

– Может, наверное. Но Севка этим не занимается. Он когда-то хакерствовал, у него возникли неприятности, больше он закон не нарушает. Сто раз мне об этом говорил, надоел уже. А зачем тебе? – встрепенулась Даша.

– Не мне. Соседке.

Тоня проторчала у сестры почти до вечера. Сначала пили чай, потом заказали и ели пиццу. Домой она вернулась, когда уже стемнело. Впрочем, несмотря на мороз, при котором, казалось бы, должно быть солнце, за весь день толком так и не прояснилось.

Вообще-то кое-какие продукты в холодильнике имелись, но дома было решительно нечего делать, и Корсун отправился в магазин. Вроде бы о бывшей однокласснице он совсем не думал, но почему-то миновал небольшой торговый центр, где обычно отоваривался, и направился к огромному супермаркету, в котором вчера снимала деньги Тоня Невзорова. Слегка поозирался, очутившись в тепле торгового помещения, снял в банкомате пачку наличных, сунув их вместе с карточкой в кошелек, и не торопясь направился к Тониному дому.

Вчера он здорово оплошал, не уследив за курткой с капюшоном, ему было стыдно и очень хотелось оправдаться перед Невзоровой.

Стоять под окнами, походя на влюбленного подростка, было глупо, но он не ушел сразу, подождал, страшась, что увидит ее с каким-нибудь мужиком, и выйдет уж совсем унизительная для него картина.

Невзорова была последней, кого он мог связать в своем воображении со слежкой, погоней и чем-то похожим. Все это не вязалось с образом спокойной примерной девочки, какой она когда-то была.

А ведь он вчера фактически бросил ее, даже не поинтересовавшись толком, как она оказалась в роли преследователя.

Перед уходом он решил в последний раз пройтись вдоль дома и понял, что не будет ему покоя, пока он не убедится, что она по крайней мере жива-здорова.

Тоня появилась неожиданно, замерзшая, кутаясь в светлую шубку, и ему вдруг сразу стало не то чтобы радостно, а как-то спокойно, и это было связано не со вчерашней слежкой, а с чем-то совсем другим, чему он не стал искать определения.

Тоня удивилась, конечно. Нужно было что-то сказать, и она сдуру спросила совсем глупое:

– Давно ждешь?

– Давно, – признался Корсун и улыбнулся, показавшись себе слабоумным.

– А я у сестры была, – зачем-то доложила Тоня. Зря она это сказала, во-первых, его едва ли это интересовало, а во-вторых, получается, она намекает на то, что у нее нет мужчины. – У двоюродной.

– Это с ней вы вчера в казаки-разбойники играли?

– Нет, – улыбнулась она. – Вчера я была с соседкой.

– Ты замужем? – ему хотелось выяснить это немедленно.

– Нет.

– Позови меня в гости, я замерз. – Он запоздало сообразил, что про «замерз» не стоило говорить, это не по-мужски. Мужчина никогда не должен жаловаться. Она замялась, и он глупо добавил: – Я тебя не обижу.

– Пойдем, – легко согласилась Невзорова и засмеялась. – Только сначала я загляну к соседке.

Соседку он вчера толком не разглядел и не запомнил, она оказалась растрепанной бледной девицей, непонимающе на него посмотрела, замерев в дверях, и Корсун решил, что она немножко не от мира сего.

– Лилечка, это Коля Корсун, – показала на него Тоня. – Мой одноклассник. Ничего нового?

Бледная соседка покачала головой – нет, а он вдруг испугался, что она сейчас начнет рыдать или шлепнется в обморок.

Соседка Лилечка не сделала ни того, ни другого, за ее спиной появился вихрастый мальчишка, поздоровался:

– Тонь, привет! – А сам при этом уставился на Корсуна. Затем спохватился и вежливо добавил: – Здрассте.

– Привет, – кивнул Корсун.

– Тима, уйди со сквозняка, холодно, – совершенно спокойно произнесла Лилечка. При мальчишке она как-то сразу изменилась, больше не казалась готовой упасть в обморок и даже, как ни странно, растрепанной.

– Мы пойдем, Лиля. Звони, если что… – сказала Тоня.

Соседка кивнула, скользнула по Корсуну невидящим взглядом, захлопнула дверь, а он почему-то шепотом спросил:

– Она истеричка?

– Нет, – улыбнулась Тоня и начала спускаться по лестнице. – Она совсем не истеричка. Она очень уравновешенная. И муж у нее хороший, Иван. И Тимошка. Просто у нее неприятности.

Он шел за Тоней, чуть поотстав, смотрел ей в затылок и пытался решить, изменилась она или не изменилась за прошедшие годы. Он плохо знал ее в школе, ему только очень хотелось тогда на нее смотреть. Еще очень хотелось провожать ее после уроков и ходить с ней в ночной клуб. Впрочем, он понятия не имел, ходит ли она в ночные клубы.

Он ни разу ее не проводил. И не потому, что был очень уж робким, робким он не был ни тогда, ни после, а так… неизвестно почему.

– У нее похитили тетю, и она заплатила похитителям? А ты выслеживала, где держат заложницу?

– Коля! – резко остановилась Тоня. – Это не смешно.

– Извини, – покаялся он. – Не смешно. Что у нее случилось?

– Не знаю. – Она подошла к собственной квартире, привалилась боком к стене, выкрашенной светло-голубой краской, зашарила в сумке, ища ключи. – Что-то плохое произошло, очень плохое. И я за нее боюсь.

В подъезде недавно сделали ремонт, и светлые стены Тоне очень нравились. И плитка чуть светлее стен, которой выложили подъезд, ей тоже нравилась. Она

даже хотела попросить рабочих выложить ей такой плиткой балкон, но так и не собралась.

– Почему сыщиком работаешь ты, а не ее муж?

– Иван уехал куда-то. Лиля говорила куда, но я забыла. У него родственница умерла, он в права наследства вступает. – Она наконец отперла дверь, шагнула в темноту, щелкнула выключателем. – Заходи.

Тоня, раздевшись, прошла на кухню, заглянула в чайник – воды было достаточно, зажгла газ. Корсун потоптался в прихожей, повесил пуховик на вешалку и отправился следом. Кухня оказалась почти точной копией его собственной, такая же плита, такой же холодильник. Только что-то однозначно говорило, что кухня эта женская. Может быть, забавные банки на серой столешнице, а может, еще что-то.

Нужно сделать ремонт, с тоской подумал он, разглядывая ровную плитку. Переступить через лень и нехватку времени и отремонтировать квартиру. Летом обязательно сделаю, пообещал он себе, твердо зная, что обещания не выполнит. Он терпеть не мог всякие домашние дела. Он любил только настоящую работу, службу, а домой приходил фактически ночевать.

– То есть ты не знаешь, кому и зачем она платит деньги, но пыталась выследить вымогателя?

– Выходит, что так, – улыбнулась она. – Я вообще мало ее знаю. Так, по-соседски. Они переехали несколько лет назад, Тимошка совсем маленький был. Знаешь, – неожиданно призналась Тоня, – я ей завидовала.

Господи, что она несет! Что она говорит практически незнакомому человеку! Она никогда в жизни не сказала бы такого Димке. И никому другому не сказала бы.

– Ты? – удивился он. – Но ты же гораздо красивее.

Он не мог себе представить, что Антонина Невзорова может кому-то завидовать. Лиля с ее проблемами, мужем и Тимошкой была такой же, как миллионы

женщин на московских улицах, а рядом с Тоней он стоит как приклеенный и отлично понимает, что она до сих пор немножко инопланетянка, в отличие от всех других девушек и женщин. От той же Лили, например.

– Коля, ты есть хочешь? – Тоня нырнула в холодильник, пошуршала чем-то. – Правда, у меня только полуфабрикаты.

– Хочу, – решил Корсун и сразу понял, что очень проголодался.

– Пельмени? Наггетсы? Еще ноги куриные есть, можно пожарить, это недолго.

– Куриные ноги. Пельмени я и так каждый день ем. И знаешь, почему-то не надоедают, – признался он.

Она стала резать помидоры, какой-то салат, похожий на капусту, Николай все время забывал, как он называется.

– Я был влюблен в тебя в школе, – неожиданно сказал он ей в спину.

Она замерла, медленно повернулась, быстро на него посмотрела и ничего не ответила. Почему-то он счел это обидным, как будто она должна обязательно признаться, что тоже всю юность о нем мечтала.

Иногда ей действительно казалось, что он был в нее влюблен, а иногда нет. То есть сначала она ничего не замечала, до тех пор, пока подружка Катька Андреева не шепнула ей на ухо: а ты Корсуну нравишься. Нравишься, нравишься, добавила тогда Катька, точно тебе говорю. После этого Тоня на Колю Корсуна украдкой посматривала, но ничего особенного не видела, ей только почему-то всегда было радостно в его присутствии. А еще она была уверена, что на выпускном он обязательно к ней подойдет и скажет что-то очень важное, но он не подошел.

Потом все закрутилось: вступительные экзамены, страх оказаться не принятой в институт, студенческий билет, незнакомые однокурсники. Она до сих пор помнила, как екнуло сердце, когда она впервые увидела Диму Колосова. Дима был очень похож на Колю Корсуна, такой же высокий, такой же сильный и умный. И опять она решила, что умный и красивый Дима к ней неравнодушен, а

он женился на Асе, некрасивой и неумной. А она, Тоня, оказалась никому не нужна.

Тоня заправила салат маслом, быстро расположила на столе тарелки.

А ведь если бы Коля подошел к ней в школе, ее жизнь могла бы сложиться совсем по-другому. У нее был бы «парень», она даже не посмотрела бы на Диму Колосова и не умирала бы, когда он женился на Асе. Господи, какие глупости лезут в голову.

– Спасибо, очень вкусно, – похвалил вежливый Корсун.

Курица действительно оказалась вкусной. Коля редко вкусно питался, рестораны он не любил, готовить тоже, а любимые девушки кулинарными изысками его не баловали.

Но даже если бы Тоня дала ему черствый хлеб и слабый чай без сахара, он не заспешил бы от нее к Леночке. И ни к кому другому не заспешил бы.

Ему было хорошо с ней. Не нужно придумывать темы для разговора, заполнять пустыми словами паузы и все время ожидать, что тебя неправильно поймут. Он уже забыл, когда ему было так хорошо с женщиной, да и было ли вообще когда-нибудь.

– У тебя нет знакомых, которые могли бы установить человека по номеру мобильного?

Ореховые глаза оказались рядом, и ему вдруг стало отчаянно жалко тех лет, когда он не видел ее глаз.

– Нет. То есть я попробую узнать. Это опять из детективной истории? – догадался он. – Кто-то звонит Лиле с мобильного, и ты хочешь выяснить кто?

– Ты очень умный, – засмеялась она. – Ничего от тебя не скроешь.

Через полтора часа, прощаясь с ней в прихожей, Корсун уже понимал, что придет сюда снова.

Только ложась спать, Тоня поняла, что выходной день впервые не показался ей бесконечно длинным.

Воскресенье, 16 декабря

Проснулся Корсун совсем рано, еще шести не было. Вообще-то по утрам он вставал тяжело, подолгу пил крепкий чай, в будни злился, что сейчас придется тащиться по запруженной Москве на завод, а в выходные злился оттого, что впереди целый день, который нечем занять.

Сейчас голова его оказалась на удивление ясной. Вчера он долго обзванивал знакомых, пока один из сослуживцев не припомнил, что у него друг детства адвокат Петька, и можно попытаться пробить номер мобильного через него. К счастью, адвокат оказался дома, просьбу Корсуна выполнить согласился, долго сетовал, что обратился он к нему в выходные, но тем не менее обещал выяснить по возможности быстро, и сумму за услугу назвал весьма солидную. Корсун не возражал, ему было жаль Лилю и очень не хотелось, чтобы женщины сами лезли туда, куда должны лезть только молодые и здоровые мужики. В том, что они будут пытаться вычислить шантажиста, он не сомневался.

Время тянулось медленно. Адвокат обещал обязательно отзвониться, когда появятся новости, Корсун пил чай и терпеливо ждал, поглядывая на часы-будильник. Будильник был старый, он много раз его ронял, корпус в нескольких местах был помят, но ходили часы на удивление точно, секунда в секунду, останавливаясь, только когда садилась батарейка. Стрелки почти достигли восьми, когда неожиданно зазвонил городской телефон, и Корсун, поскольку для адвоката было рано, почему-то решил, что это бывшая одноклассница Тоня, и не вспомнил, что городского номера ей не давал.

Он так обрадовался, что самому стало удивительно, и может быть, от этого он не сразу понял, что это Леночка, которой очень хочется все о нем знать, а еще ей хочется туда, где море и солнце, а он, Николай Корсун, так и не сказал ей, что она, в общем-то, совсем ему не нужна.

Ему стало до смерти жалко Леночку, когда он услышал ее голос.

– Ну сегодня-то, надеюсь, ты не рабо-отаешь? – протянула она как-то так, что жалости в душе Корсуна сразу поубавилось.

– Лена, ты меня прости, но у нас с тобой ничего не выйдет. Прости, – он постарался произнести это твердо, а получилось виновато. Впрочем, он действительно чувствовал вину перед Леной. Жениться он, конечно, не обещал, а голову все-таки морочил, чего греха таить.

– Почему? – не поняла она.

Еще сутки назад Коля принялся бы юлить, выкручиваться, может быть, даже придумал длительную командировку или еще что-нибудь.

– Ты меня не любишь, Лен, – объяснил он. – И я тебя не люблю.

– Три дня назад ты меня очень даже любил, – голос у нее задрожал. Ему сначала показалось, что от слез, но потом он с облегчением понял, что от злости. – Ты себе другую подыскал, да?

Он молчал. Получалось, что, да, подыскал.

Он нашел то, мимо чего прошел двенадцать лет назад, или сколько там прошло после школы. Коля вдруг вспомнил то, чего не заметил сразу: как застучало сердце, когда он узнал Тоню у банкомата. Оно так же радостно билось, когда он украдкой смотрел на нее на уроках. Просто он совсем забыл ту давнюю радость, а теперь не к месту вспомнил.

– Лен, ты меня прости, – повторил он. – Но у нас ничего больше не может быть.

– Да ладно, что ты заладил, – зло засмеялась она. – Думаешь, ты мне очень нужен, да? Думаешь, я о таком всю жизнь мечтала, да? Мне, Коленька, нужен обеспеченный муж, так что не переживай. Просто интересно… Сколько ей лет?

– Она моя ровесница, – зачем-то признался Корсун.

– Что?! – ахнула трубка. – Ты меня на старуху променял, да? Ну ты даешь!

– Пока, Лен, – больше он слушать не стал.

Сколько Леночке лет, он так и не поинтересовался, понимал, что она давно совершеннолетняя, и этого ему было достаточно. Сколько же ей лет, если для нее Тоня, которой нет тридцати, старуха? Двадцать два? Двадцать три? Чуть больше?

Почему-то после этой «старухи» ему еще больше стало жаль Леночку, то ли за глупость, то ли за наивность, то ли еще за что-то.

Адвокат Петька позвонил, когда Корсун еще не ожидал звонка, в самом начале одиннадцатого.

– Пробил я твой телефон, – доложил он. – Номер принадлежит Кусмановой Марии Никитичне, 1940 года рождения. Тебе повезло, у меня друг в центральном архиве работает и как раз сегодня дежурит.

– Спасибо. Адрес узнал?

– Не спеши. – Петр продиктовал адрес. – Только Мария Никитична, царствие ей небесное, померла три года назад. Квартиру свою завещала двум племянникам. Племянники в права наследства вступили, но в квартире не зарегистрированы.

Корсун записал имена племянников, поблагодарил Петра и пообещал сегодня же расплатиться.

Колосов всегда просыпался рано. Он и ложился рано, Асю это раздражало, она любила полуночничать, пить вино при свечах, слушать негромкую музыку, а он приходил вконец измотанный, на свечи и музыку у него не было никаких сил, он заваливался спать сразу после программы «Время», и она ничего не могла с этим поделать.

Как обычно по утрам, Дима тихо выбрался из постели, стараясь не потревожить Асю. Сварил себе кофе, посидел, тупо глядя в темноту за окном, и неожиданно понял, что эти утренние минуты, когда он сидит один на кухне, и есть самое счастливое его время.

Нет, он не прав, самым счастливым временем было, когда он приходил на работу и видел Тоню. Они почему-то никогда не здоровались, если рядом не было посторонних, просто недолго стояли молча, потом он шел к себе в кабинет, а она к себе в отдел, и день наполнялся суетой, раздражением, сделанными и не сделанными делами, и он всегда знал, что завтра опять посмотрит в спокойные Тонины глаза и справится с любым валом работы и вообще со всем на свете справится.

Конечно, он давно понимал, что совершил страшную ошибку, женившись на Асе. Собственно, он понимал это с самого начала, он же и тогда, в двадцать лет, не был полным кретином. Он не знал только, что заставило его так поступить.

Тогда, далеким июньским днем, он проводил Асю до дома, то умиляясь, то злясь, что она все принимается плакать и благодарит его, цепко держа за руку. Конечно, он обещал, что обязательно встретится с ней, чтобы взять деньги за билет, и, конечно же, был абсолютно уверен, что больше никогда ее не увидит.

Он приехал домой, позвонил Тоне, но у той был занят телефон, а перезванивать он не стал. Он бы обязательно перезвонил утром, но Ася его опередила, она разбудила Диму совсем рано, в восемь, и оказалось, что она уже недалеко от его дома. Он и сам не заметил, как рассказал накануне, где живет. В электричке Ася между слезами и причитаниями ловко выспросила и его адрес, и где он учится, и даже кто такая Тоня. Он тогда еще отметил ее неуемное любопытство и вдобавок к невзрачности жалел Асю за это тоже.

Тоня никогда не стала бы себя так вести. Тоня не уцепилась бы за его руку, не стала бы расспрашивать о семье, не ждала бы с утра пораньше около подъезда. Тоня совсем не вызывала жалости, и ему никогда не приходило в голову ее жалеть.

В тот день они гуляли с Асей до вечера. Прогулка ему до смерти надоела, но Ася крепко держала его за руку, смотрела робко и с восхищением, быстро и навсегда распрощаться с ней у него не хватило духу, и он опять поехал ее провожать.

Ну а потом все получилось само собой, не мог же он бросить Асю, глупенькую, похожую на взъерошенного воробышка.

– Мить, ты чего в такую рань встал? – испуганно прошептала она, беззвучно прошлепав тапочками на кухню. Сегодня шепот жены особенно его раздражал.

– Не спится.

– Мить, у тебя неприятности, да? – Она уселась напротив, положив голову на подставленные ладошки. – У тебя на работе неприятности? Да?

– Нет у меня никаких неприятностей. – Нужно протянуть руку, погладить ее, но он не смог себя заставить. – Спи, рано еще.

– Митенька, мне страшно. – Голос ее зазвенел, задрожал, глаза наполнились слезами. Привычной жалости Колосов не ощутил, но и раздражение куда-то пропало, навалилась усталость. – Ты какой-то чужой с пятницы. Ну что случилось? Ну я же чувствую…

Господи, как он устал. Может быть, и отец так устал от жизни, что умер совсем молодым?

– Ничего не случилось, Ася, ложись, спи. Я действительно устал. Ты хоть и не веришь, но я действительно много работаю.

– Я верю, – она сама протянула руку, погладила его по щеке. – Ты меня любишь, Митенька?

– Ну конечно, Ася. Иди, котенок, спи. – Он все-таки заставил себя встать, обнять жену. – Спи. А я в «Алые паруса» съезжу, пока народу мало. У нас холодильник пустой совсем.

Ему хотелось позвонить Тоне сразу, как только сел в машину, но он не рискнул, побоялся, что Ася станет смотреть в окно, заметит, что он затянул с отъездом, и ему придется объяснять почему.

Он позвонил метров через двести, скрывшись за углом собственного дома. Звонить было неприлично рано, но Тоня ответила почти мгновенно, и Дима решил, что мобильный она держит где-то рядом с кроватью.

Полагалось извиниться за ранний звонок, но Колосов не стал.

– Тоня, не уходи, – попросил он, услышав ее голос.

Она помолчала, то ли еще не совсем проснувшись, то ли не решаясь произнести то, что было для него самым важным на свете.

– Я уйду, Дима, – наконец сказала она твердо, как-то по-новому, словно стала другой Тоней, не той, с которой он разговаривал еще несколько дней назад.

Теперь молчал он. Тихо шумел двигатель, и Колосов не слышал ее дыхания. Он ничего не мог ей предложить. Он всегда был умным, Дмитрий Колосов, и прекрасно понимал, что своим присутствием мешает Тоне устроить личную жизнь. Он никогда ее не обманывал и ничего ей не обещал, но постоянно давал ей понять, что она очень близкий ему человек. Нет, что-то он все-таки обещал – давал не высказанную словами надежду, что их будущее впереди. Он нуждался в ней, и Тоня знала об этом, и это связывало их, как других связывают служебные романы. Ему очень не хотелось, чтобы она устраивала свою личную жизнь. Ему хотелось, чтобы она всегда была рядом.

Их ничто не связывало, кроме давней юношеской влюбленности.

Он всегда считал, что они связаны крепче, чем брачными узами.

– Ну ладно, Дима, пока, – первой не выдержала Тоня.

Колосов бросил телефон на сиденье и неожиданно подумал, как было бы хорошо, если бы Ася умерла. Потому что бросить ее, такую некрасивую, глупенькую и беззащитную, он не мог. Как любой психически нормальный человек не может выгнать на лютый мороз беспомощного щенка.

Дима ее разбудил. Вообще-то бессонницей Тоня не страдала, но вчера долго не могла заснуть, думала о Диме, о Коле, о Дашином стремлении к богатству, о соседке Лиле и собственной ненужности.

Положив «Нокию» на прикроватную тумбочку, Тоня поняла, что больше не заснет. А еще поняла, что все-таки ждала от Димы совсем других слов и даже

приготовилась сказать ему, что жизнь уже развела их навсегда. Не столько от того, что он не произнес этих важных слов, сколько от того, что она их ждала, слезы полились сразу и обильно, она промокнула их краем пододеяльника, потом пришлось зажечь свет, встать, достать из комода носовой платок.

Звонок в дверь прозвенел совсем не вовремя. Тоня, впопыхах напялив махровый халат, рванула дверь, почему-то ожидая увидеть соседа Макса, и уставилась на Колю Корсуна.

Сегодня она показалась ему совсем другой, жалкой, растерянной, и от этого очень близкой, как будто ближе ее у него никого нет. Впрочем, у него действительно не было близких людей.

– Кто тебя обидел? – зло спросил он.

Если бы он, увидев ее заплаканное лицо, спросил что-то другое, полагающееся в таких случаях, например, «что случилось?», Тоня бы, наверное, навсегда распрощалась с ним сейчас же, у порога. Или, по крайней мере, дала понять, что проводить с ним свободное время не намерена. После разговора с Димой ей хотелось оплакать свою неудавшуюся жизнь и больше ничего не хотелось.

Но он спросил то, чего у нее никто и никогда не спрашивал, он как будто предлагал ей свою защиту, и Тоня вдруг почувствовала себя зависящей от него. Как маленькая собачка при хозяине.

– Никто, – шмыгнула она носом. – Никто. Я сама себя обидела.

Он, легко ее отодвинув, по-хозяйски прошел в квартиру, разделся, даже загремел чем-то на кухне. Чайником, наверное. Тоня, схватив брючный домашний костюм, шмыгнула в ванную и вышла оттуда умытой, спокойной и рассудительной.

– Ты что по утрам пьешь, чай или кофе? – Он уже достал две чашки и, как ни странно, не ошибся, взял именно ту, из которой она обычно пила напитки по утрам.

– Мед с лимоном. – Тоня зачерпнула из пластмассовой формы мед, отрезала колесико лимона, залила кипятком, села в свой любимый угол.

Корсун устроился напротив с крепко заваренным прямо в чашке чаем. Себе кружку он взял самую большую, ее Тоне когда-то подарила школьная подруга, и за все время ею никто не пользовался.

– Я договорился с одним мужиком, он пробил номер шантажиста, – сахара Коля положил много, кусков шесть, не меньше. Тоня такой сладкий чай терпеть не могла.

– Спасибо.

Корсун улыбнулся, увидев, как загорелись у нее глаза.

– Номер принадлежит некой почившей даме, имеющей двух племянников. Хочешь, на разведку съездим? У тебя какие планы?

– Никаких у меня планов. – Планы были, конечно: постирать, погладить. – Хочу.

– Только сначала заедем к адвокату, я расплачусь.

– Платить буду я, – твердо сказала Тоня. – Сколько?

– Почему ты? – не понял он.

– Потому что я не люблю быть обязанной. Никому.

– Ты не можешь быть мне обязанной, – он наклонился к ней, опершись о стол. Глаза у него оказались очень красивые, темно-серые.

– Почему?

– Потому что я должен был жениться на тебе давным-давно, много лет назад. А я, как видишь, эти годы потерял.

Полагалось что-то сказать, но она промолчала. Тоня сразу забыла, что решила оплакивать свою жизнь, и испугалась, что могла выгнать Колю и не услышать этих слов.

– Платить, естественно, буду я, – заявил он. – И не говори глупостей.

Когда он увидел ее утром, зареванную, лохматую, ему вдруг стало ясно, что не давать ее в обиду отныне станет главным делом его жизни. Или это стало ясно еще вчера, когда он понял, что с ней не надо подыскивать темы для разговора?

Давным-давно, классе в восьмом, ее обрызгала машина, лихо выворачивая из переулка около школы. Она тогда была в каком-то светленьком платьице и складывала зонт, потому что только что кончился ливень. Вдоль тротуаров текли реки грязной воды, а на выглянувшем солнце стало по-летнему жарко, хотя лето еще не наступило. Светленькое платьице оказалось заляпано черными пятнами, и Тонька Невзорова отряхивала его рукой и этой же рукой вытирала слезы, а ему хотелось догнать водилу и убить. Еще ему очень хотелось ее обнять, но этих мыслей он стеснялся.

Кружка была большая, но чай Корсун выпил быстро, опять зажег газ под чайником. Тоня смотрела на его широкие плечи, коротко стриженные волосы. Коля Корсун был видным мужчиной. Даже, пожалуй, красивым. Почему он не женат до сих пор?

– Когда поедем? – Она тоже допила свой неизменный утренний напиток.

– Если ты не голодна, то прямо сейчас. Чай допьем и поедем.

– А… легенду ты придумал? Нужно же будет что-то говорить, если мы собираемся приставать к людям с вопросами.

– Нет еще, – признался он. – Будем действовать по обстановке.

Легенду Корсун так и не придумал, посматривал украдкой на сидевшую рядом Тоню и совсем не собирался думать ни о каких шантажистах. Хотел припарковать машину невдалеке от дома Кусмановой, но места не нашлось, и он въехал во двор, остановившись прямо напротив подъезда.

– Посиди, – велел он Тоне. Корзун боялся подпускать ее к чему-то, связанному с явным преступлением.

– Почему? – возмутилась она. – Я с тобой.

– Нет, – он наклонился к ней. Ему очень хотелось ее поцеловать. – Я сам.

Ей так давно никто не приказывал, что она растерялась. Сидеть в машине было скучно, но она уже поняла, что ждать Колю ей понравится.

Никаких четких планов у Корсуна не было, он топтался на крыльце, не решаясь позвонить в домофон, пока пожилая женщина не вышла из подъезда с крохотной собачкой на руках. Собачка была в красном тулупе и, как показалось Корсуну, ему улыбнулась.

– Простите, вы давно здесь живете? – Никогда раньше ему не приходилось приставать с вопросами к незнакомым людям. Впрочем, ему многое не приходилось делать раньше, например, радоваться тому, что Тоня его ждет.

– Давно, – почему-то усмехнулась женщина. – А в чем дело?

– Я помощник адвоката, – соврал Корсун. – Я разыскиваю Марию Никитичну Кусманову. Вы ее знаете?

– Помощник адвоката? – весело сощурила глаза дама. – А документы у вас есть?

– Только права и паспорт, – признался Корсун. Дама ему нравилась, и то, что она ему не поверила, тоже нравилось, как ни странно.

– Покажи, – велела бдительная соседка.

Он послушно полез в карман, достал бумажник, раскрыл паспорт.

– Твоя? – кивнула дама в сторону его машины.

– Моя, – согласился Корсун.

– А девушка тоже твоя?

– Моя, – опять согласился он.

– Ну вот что, – решила дама. – Я любопытна. Сейчас Герцог погуляет, и ты мне все расскажешь. Я Машу хорошо знала, может, и помогу тебе. Насчет адвоката соврал?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/evgeniya-gorskaya/moy-dom-chuzhaya-krepost-kupit

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити